

СТРАШНЫЕ СКАЗКИ

Истории, полные ужаса и жутки

18+

Юри Гейман и другие

Иллюстрации Алана Ли

Мастера магического реализма (АСТ)

Нил Гейман

**Страшные сказки. Истории,
полные ужаса и жути (сборник)**

«АСТ»

2013

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Сое)-44+84(4Вел)-44

Гейман Н.

Страшные сказки. Истории, полные ужаса и жути (сборник) /
Н. Гейман — «АСТ», 2013 — (Мастера магического реализма
(АСТ))

ISBN 978-5-17-092845-3

В самом начале XIX столетия немецкие лингвисты братья Якоб и Вильгельм Гримм начали собирать во всей Европе народные сказки, чтобы сохранить истории, устно передававшиеся из поколения в поколение. Братья Гримм стали авторами одной из первых антологий хоррора. В наши дни, когда эти сказки обрели небывалую популярность, Нил Гейман, Гарт Никс, Ремси Кэмпбелл и другие мастера ужасов представляют свою трактовку классических сказочных сюжетов. Каждая из этих историй пугает и очаровывает по-своему, но объединяет их одно – все они написаны на основе самых ранних, не приглаженных цензурой версий знаменитых сказок.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Сое)-44+84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-092845-3

© Гейман Н., 2013
© АСТ, 2013

Содержание

Введение	6
Непослушное дитя	8
Рэмси Кэмпбелл	9
Поющая косточка	21
Нил Гейман	23
Рапунцель	26
Танита Ли	29
Заячья невеста	37
Гарт Никс	39
Гензель и Гретель	51
Роберт Ширмен	56
Три лесных человечка	66
Майкл Маршалл Смит	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Страшные сказки (сборник)

авт. – сост. Стивен Джонс

Посвящается Дот, с благодарностью

Edited by Stephen Jones

Fearie Tales

Печатается с разрешения издательства Quercus Editions Ltd (UK)

Selection and Editorial material Copyright

© Stephen Jones, 2013

© Е. Мигунова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Введение

Не пугайте детей

В самом начале XIX столетия немецкие лингвисты братья Якоб (1785–1863) и Вильгельм (1786–1859) Гримм начали собирать во всей Европе¹ народные сказки, стремясь не только найти в них отображение культурной самобытности Германии, но и сохранить сами эти истории, веками передававшиеся из поколения в поколение в устной традиции.

Это привело к возникновению множества различных версий одних и тех же сказок в разных регионах (в особенности во Франции), и братья Гримм не только впервые собрали их в цельный манускрипт, выслушивая истории в изложении друзей, членов семей и других рассказчиков и записывая их, но и сохранили отображенные в этих историях древние религиозные верования.

Можно без преувеличения назвать Якоба и Вильгельма Гримм создателями одной из первых антологий литературы ужасов. Это связано с тем, что, несмотря на последующее редактирование и переработку различными авторами (включая самого Вильгельма), многие оригинальные истории содержат сцены крайне жестоких расправ и неявно подразумеваемую сексуальность, что сделало их в глазах первых рецензентов совершенно неподходящими для самых юных читателей (которые, впрочем, изначально и не были, по сути дела, их целевой аудиторией).

В более поздние версии сказок были добавлены духовные и религиозные мотивы, чтобы сделать их более вдохновляющими в глазах читателей из среднего класса, а мотивы жестокости, сексуальности и антисемитизма в то же время были значительно смягчены. Братья Гримм даже добавили вступления, в которых *советовали* родителям убедиться в том, что их отпрыскам будут доступны только те сказки, которые подходят им по возрасту.

В контексте культуры того времени воспитание во многом базировалось на страхе, и зачастую подобные сказки служили своего рода «предостережением», чтобы дети не вели себя дурно, а не то с ними случится нечто ужасное (бросят в огонь или съедят заживо).

Между 1812 и 1862 годами «Kinder- und Hausmärchen» («Детские и семейные сказки», или «Сказки братьев Гримм», как они стали называться позднее) были напечатаны семнадцать раз и многократно переработаны, число сказок постепенно росло, увеличившись в некоторых наиболее полных изданиях от 86 до 200. Книга также часто перепечатывалась незаконно, так что другие составители часто добавляли туда различные народные сказки.

Сейчас, спустя два столетия после того, как Якоб и Вильгельм впервые опубликовали свое собрание, эти сказки популярны как никогда. Правда, Голливуд (и особенно студия Уолта Диснея) достаточно вольно обходился с наследием братьев Гримм практически с момента рождения кинематографа, а в последнее время мы буквально завалены их «переосмыслениями», такими как связанная с темой вервольфов «Красная Шапочка» (2011), «Гензель и Гретель: охотники на ведьм» (2013) и «Джек – покоритель великанов» (2013), не говоря уж о различных версиях «Белоснежки», а также популярных телесериалах, таких как «Однажды в сказке» (“Once upon a time”) и «Гримм» (оба выходят с 2011 г.).

На протяжении многих лет даже о самих братьях Гримм снимались биографические фильмы (в которые щедро добавлялись элементы фэнтези), такие как «Чудесный мир братьев Гримм» Джорджа Пэла и немного более мрачная картина «Братья Гримм» Терри Гиллиама (2005).

¹ А точнее – по раздробленным немецким княжествам, которые еще ждали своего объединения в единую Германию. *Здесь и далее прим. переводчика.*

А для этого издания я предложил нескольким известным писателям представить свои трактовки классических сказок, вдохновленные братьями Гримм или фольклорными историями из других культур. Поскольку задумано оно было прежде всего как антология ужасов, я поставил перед авторами единственное обязательное условие – чтобы за образец брались ранние, не выхолощенные цензурой, версии сказок.

Я рад сообщить, что все писатели, работы которых вошли в это издание, блестяще справились со своей задачей и создали свои собственные, уникальные версии классических историй, при этом неуклонно придерживаясь исходного материала.

Их работы – по-настоящему жуткие и волнующие истории, достойные XXI столетия.

В 1884 году в Англии был опубликован новый перевод сказок братьев, сделанный британской романисткой Маргарет Хант (матерью писательницы-фантаста Вайолет Хант). Я не только использовал некоторые из этих переводов как основу для современных сказок, но и поместил их в сборнике, вперемежку с оригинальным материалом.

Не все истории, написанные для этой книги, были созданы под влиянием именно братьев Гримм, но в этих случаях я постарался подобрать аналоги из числа более старых их сказок, либо связанных тематически, либо послуживших отправной точкой для более современных историй, сложенных после них. И, поскольку это как-никак антология ужасов, я позволил себе пополнить книгу парой малоизвестных «страшилок», изначально входивших в коллекцию немецких братьев.

Ну и, наконец, повторим предупреждение Якоба и Вильгельма, которое они адресовали своим читателям двести лет назад: несмотря на то что истории, вошедшие в это издание, основаны на сюжетах народных сказок и мифов, они, возможно, не совсем подходят для юных читателей.

Если, конечно, вы не хотите наполнить ужасом их крохотные умишки!

Стивен Джонс

Лондон, Англия

2013 год

Непослушное дитя

Жила-была своевольная девочка, которая не слушалась маму. Бог разгневался на девочку за ее своеобразие и послал ей болезнь, да такую, что никто из врачей не сумел ее вылечить и вскоре она умерла.

Девочку опустили в могилку и засыпали землей, как вдруг из-под земли высунулась детская ручка и помахала. Могилу снова и снова засыпали свежей землей, да только все было напрасно, рука каждый раз высывалась наружу.

Пришлось матери прийти на могилку девочки и ударить по руке розгой. Как только она это сделала, рука убралась под землю, и непослушное дитя обрело, наконец, покой под землей.

Рэмси Кэмпбелл

Угадай мое имя

Дорин проснулась внезапно и попыталась понять, что же ее разбудило. На дальнем конце теннисного корта лаяла собака, другая вторила ей со стороны гольф-клуба, а затем Дорин услышала звуки из бывшей комнаты Анны. Там в кроватке заворочался Бенджамин – «радионяня» одновременно искажала и усиливала звук. Дорин собиралась уже тихонько заглянуть к нему в комнату, но малыш затих, и она снова уронила голову на подушку. Перед тем как закрыть глаза, она бросила взгляд на прикроватные часы – те показывали полночь. Женщина совсем было задремала, когда до нее донесся тихий голос. «Теперь ты мой, Бенджамин», – сказал он.

Казалось, ночь навалилась на нее своей удушливой тяжестью и придавила, и все же Дорин сумела разлепить непослушные губы.

– Никогда этому не бывать. Убирайся, Денни, не то я вызову полицию.

– Я не отец мальчика. Его мать получила то, чего хотела, теперь мой черед.

Это наверняка был сон – в пустом доме некому было вступать с Дорин в разговор – но ее сковал ужас.

– И чего же хотела Анна?

– Чтобы сын был с ней, пока ему не исполнится год.

– Половину этого времени отец ребенка мучил ее и издевался. Может, этого она тоже хотела?

– Она пожелала – я исполнил. Она знала, какова цена.

От горя у Дорин навернулись слезы.

– Она сполна расплатилась за свою ошибку.

– Мы не о том говорим! – В голосе зазвучало раздражение. – Возможно, она надеялась обвести меня вокруг пальца, – продолжал он. – Но меня никому не обмануть, так что даже не пытайся. Настало мое время.

Дорин сама не понимала, что она пытается сделать – понять его или проснуться.

– Какое еще твое время?

– Твой год с Бенджамином почти на исходе, так что попрощайся с ним, пока еще можешь, Дорин.

– А вас как зовут, раз уж вы знаете мое имя?

– Моего не знает никто. – Дорин услышала приглушенный смешок, хотя, возможно, кто-то просто поскреб по пластиковому микрофону. – Увидимся в день его рождения, – произнес голос. – Я оставляю тебе знак.

Снова залаяли собаки, к ним присоединились другие. Их лай был реальным, и, Дорин это почувствовала, других звуков в ночи больше не раздавалось – поняв это, она заснула.

Поздним утром, лежа в постели, Дорин вспоминала свой сон. Возможно, она действительно боится, что к ним заявится отец Бенджамина, пронюхав, что ее муж уехал на совещание директоров? Но суд постановил, чтобы Денни держался от ребенка подальше, и в случае чего можно было вызвать полицию. А может, ей так тревожно потому, что ровно год назад, в свой первый день рождения, Бенджамин лишился матери. Именно поэтому Дорин хотелось постараться на этот раз устроить внуку настоящий праздник, и она обдумывала, как это сделать, когда услышала, что мальчик возится.

По утрам малыш всегда сонно бормотал какую-то невнятицу, будто его языку требовалось время, чтобы проснуться. «Пелена ветров, жир, цепь», ей почти верилось, что она может различить в его лепете нечто подобное, а то и такое: «Вепрь жарен во теплице» – и где он только берет эти слова? Лет тридцать назад она приходила в восторг, вслушиваясь в младенческие монологи Анны, но теперь старалась этого не вспоминать. Тем временем Бенджамин

заговорил с Носиком и Ворчуном, плюшевыми мишками, которые спали с ним в кроватке. Когда он принялся колотить по деревянным рейкам, не то изображая барабанщика, не то требуя свободы, Дорин вошла в детскую.

Бенджамин стоял, держась за спинку кровати, лицом к двери, и ей опять невольно вспомнилась Анна. Его крошечное личико было почти копией материнского – светлые волосы, высокий лоб, маленький вздернутый нос, пухлые губы, упрямый подбородок. Только брови у Анны в последнее время были постоянно нахмурены, а волосы она красила в самые разные цвета, но ни один из них не помогал привести ее супруга в мирное расположение – впрочем, его вообще мало что могло утихомирить. В прошлом году глаза у Анны потухли и стали безжизненными, как камни, а улыбка – Дорин видела ее совсем редко – больше походила на мольбу о помощи, даже после того, как она решилась порвать с Денни. По крайней мере, Анна практически довела дело до суда, но, возможно, из-за этого она боялась еще сильнее? Дорин предполагала, что так все и было.

– Готов к приключениям? – обратилась она к Бенджамину.

– Мщениям².

– Ах ты, маленький попугайчик! – улыбнулась Дорин и вдруг вздрогнула. Микрофон «радионяни», который она всегда ставила сверху на синий комод, валялся на полу. Было совершенно ясно, что Бенджамин не сумел бы дотянуться до провода, и она похолодела, осознав, что не слышала шума падения. Мелькнула мысль, что это ее ошибка: она сама что-то упустила – видно, стареет.

– Больше так не делай, Бенджамин, – сказала она, ставя микрофон на место.

Мальчик упрямо выпятил нижнюю губу.

– Я не делал, ба.

– Ну-ка, не шали. Если не ты, то кто же?

– Дядя.

– Какой еще дядя?

– Ходит ко мне.

– Кто к тебе приходит, Бенджамин? Это не твой... – выпалила она от волнения и нехотя договорила, – не твой отец? Это не папа?

– Не папа, – сказал малыш и засмеялся.

Дорин заподозрила, что он, возможно, просто повторяет за ней слова.

– А кто же тогда, Бенджамин?

Ребенок с озадаченным видом помолчал, потом произнес:

– Темно.

– То есть ты его не видел. А знаешь почему? Он не настоящий. Это просто сон.

– Потрясен.

– Порой мне кажется, что ты меня дразнишь... – сказала Дорин, хотя сама в это не верила.

Конечно, Бенджамин наверняка задел микрофон, просыпаясь. Дорин взяла малыша на руки, и он, теплый со сна, обнял ее за шею. Ему не терпелось поскорее оказаться на полу и пробежаться по комнатам. Дорин догнала его на кухне и помогла снять ночной комбинезончик. Сняв с горшка и похвалив за то, что все сделал, одела его, стараясь делать все так, чтобы малышу казалось, что он оделся практически сам. Потом усадила внука в высокий стульчик, приготовила завтрак, а потом смотрела, как он управляется с хлопьями, почти не пролив молоко и не перепачкавшись. Тем не менее щеки ему она тщательно вытерла – Бенджамин изо всех сил старался увернуться – и спросила:

– Чем же нам с тобой заняться сегодня утром?

– Смотреть поезда.

² Игра слов: adventures – приключения, avengers – мститель.

Бенджамин болтал без умолку, пока они шли полмили по широкой пригородной дороге. «Там прыгают за мячиком», – сказал он у теннисных кортов, и «Какая маленькая машинка», – возле площадки для гольфа. «Пошли читать», – сообщил он, проходя мимо безлюдного школьного двора. Дорин знала: внук вспомнил, как она объясняла, что и он будет ходить в школу. «Кувшины разбойников», – объявил Бенджамин у витрины антикварного салона, и она поняла: сейчас он думает о сказке про Али-Бабу, которую она ему читала. Посетительниц парикмахерской он назвал «тети-космонавты» из-за формы фенов, под которыми они сидели, а у витрины цветочной лавки произнес: «Куда идут цветы», и Дорин, услышав это, постаралась отогнать мысли о похоронах. Когда добрались до железной дороги, она покрепче сжала его доверчивую теплую ручонку. «Красный звон», – сказал Бенджамин. В самом деле, когда зажигались красные сигнальные огни, раздавался резкий звонок. Когда по обе стороны переезда опустились шлагбаумы, им пришлось остановиться, и Бенджамин нетерпеливо зашевелил пальчиками, зажатыми в кулаке Дорин. Когда поезд отошел от станции, Дорин стало любопытно, и она спросила: «На что он похож?»

– На много марок.

Бенджамин до сих пор не забыл, как они клеили марки на конверты к прошлому Рождеству – полоса вагонных окон их ему напомнила. Анна в его возрасте обожала облизывать рождественские марки перед тем, как приклеить. Сейчас их просто отделяли от липкой основы, а следующее поколение, подумалось Дорин, и этого, пожалуй, не узнает, если поздравления будет рассылать компьютер. Мимо них проехало шесть поездов и трижды опускался шлагбаум, прежде чем Бенджамин согласился пойти домой.

Уложив его спать, Дорин приготовила обед и позаботилась об ужине. После обеда они пешком, мимо Клуба консерваторов и Массонского зала, добрались до детской группы «Малыши-крепцы».

– О, прибыл наш говорун! – издали воскликнул Ди Мейтланд, когда Бенджамин устремился навстречу к своей подружке Дейзи, такой же болтушке, как и он сам. Обычно Дорин не доверяла внука посторонним людям – она ведь даже вышла на пенсию прежде времени, чтобы заботиться о внуке, – но на сей раз спросила Джонквиль, маму Дейзи, не согласится ли та завтра забрать Бенджамина после группы, пока она будет печь внуку именинный торт.

– С радостью – охотнее, чем любого другого ребенка, – ответила Джонквиль, и Дорин отчего-то припомнился ее полуночный сон.

Дома она удивилась, увидев, какой кавардак устроил Бенджамин – игрушки были раскиданы по всему этажу. А ведь утром он даже помогал ей убираться – и когда только успел разбросать все снова? Дорин напомнила себе, что не успеет она оглянуться, как мальчик станет старше, и заранее загрустила, что лишится всей этой кутерьмы, а после еды помедлила, не торопясь вытирать его запачканные щеки. Окончательно она успокоилась, когда позвонил Губерт.

– Где глава семьи? – поинтересовался он.

– В настоящий момент – под присмотром женщины.

– Вот оно как... – Кажется, ее тон озадачил Губерта. – Дома все в порядке?

– Просто непривычно, что тебя нет рядом.

– К главному дню я вернусь, ты же знаешь. А в остальном-то у вас все нормально?

– Да, в общем и целом все, как обычно. – Дорин чувствовала: именно это муж надеется услышать, именно этих слов ждет от нее. – А ты как? – спросила она.

– Не особенно. Представь, мне предстоит еще три дня слушать, как нам улучшить имидж банков в глазах общественности. Я бы предпочел по возможности улучшать их работу, уж если на то пошло. – Губерт говорил слишком громко, рискуя быть услышанным коллегами, чьи голоса раздавались неподалеку. – Но... хватит брюзжать. Позволишь мне поговорить с молодым человеком на сон грядущий?

– Он еще и не ложился, – ответила Дорин, переключаясь на громкую связь, – Слышишь, кто это, Бенджамин?

– Дядя. – Но когда Губерт поздоровался с Бенджамином, голосок мальчика зазвучал куда радостнее: – Дедуля!

– Как дела у молодой смены? Еще всего три ночи, и мы с тобой увидимся.

– Смотри, ночи!

– Ну да, три ночи. Ты слушаешься бабулю? Присматривай за ней и следи, чтобы с ней не случилось ничего плохого, пока я на совещании.

На миг Дорин показалось, что малыш встревожен.

– Ничего плохого.

– Ничего не случится, – уверила его Дорин. – А теперь пожелай дедушке спокойной ночи. Он устал и хочет отдохнуть.

– Спокойной ночи, дедушка, – произнес Бенджамин с таким воодушевлением, что бабушка и дед дружно рассмеялись.

Перед купанием внук помогал Дорин убирать игрушки.

– Горячо, – серьезно сказал он, когда Дорин проверяла воду, а потом: – Теперь нет.

Дорин едва ли могла назвать себя религиозной – она уделяла этому аспекту даже меньше внимания, чем ее родители, оттого-то, видно, ее молитвы за Анну, казалось бы, такие истовые, не достигали цели – и все же каждый раз при виде Бенджамина, сидящего в ванночке, ей невольно приходили на ум купель и крещение. Дорин вытерла внука, расцеловала и поклялась себе оберегать его, пока жива – пусть это и звучало как-то напыщенно.

Дорин помогла малышу надеть ночной комбинезон, затем уложила его в кроватку. Сидя рядом, она перелистывала страницы старой книги Анны, и взгляд ее упал на заглавие одной из сказок. Той, которую Анна любила больше всего. Неудивительно, что Дорин привиделось во сне нечто подобное, но сейчас ей не захотелось читать Бенджамину именно эту историю.

– Много лет тому назад, – начала она вместо этого, – жил-был бедный дровосек со своей женой и двумя детьми; мальчика звали Гензель, а девочку – Гретель...

Печь и страшную опасность, грозившую детям, она пропустила. Дети были спасены, и Бенджамин безмятежно заснул. Дорин выключила свет, а приемник «радионяни» унесла вниз и, пока ужинала, держала его перед собой на кухонном столе. День с Бенджамином утомил ее, как обычно, но иного она для себя и не хотела бы. Легла Дорин рано.

Проснулась она внезапно, как от толчка, и сразу заметила нули на циферблате – прикроватные часы показывали полночь. Не хватало еще, подумала она, чтобы это вошло в привычку – просыпаться каждую ночь в одно и то же время, – и тут раздался голос. Он звучал так приглушенно, будто раздавался у нее в голове.

– Это снова ты? – прошептала, или подумала, она. – Чего ты хочешь на этот раз?

– Того, что всегда получаю.

– В сказке ты это не получил, верно? Потому что твое имя угадали.

– Ты об этом старье? Не верь всему, что читаешь.

– А что, разве тебя зовут не Румпельштильцхен?

– Это просто сказочка. – Издав сдавленный смешок, похожий на дребезжание множества мелких зубок, голос продолжал: – Кое-что там правда. Я знаю, когда нужен.

– Тогда ты должен понимать, когда совсем не нужен.

– Твоей дочке был нужен, когда ей потребовался свидетель.

– Не смей о ней говорить. – Дорин даже удалось выдать смешок. – Что я вообще с тобой разговариваю? Ты же просто сон.

– Ты что же, до сих пор думаешь, что спишь? – Голос определенно был оскорблен. – Увидишь. Будет еще один знак.

И он пропал, оставив ее одну. Впрочем, Дорин до сих пор сомневалась, что он вообще был. Вдруг она поймала себя на том, что не может вспомнить свидетеля по делу Анны, давшего тогда показания в ее пользу. Он жил этажом ниже под их с Денни квартирой и подтвердил, что Денни избивал и жену, и ребенка. Сейчас Дорин, как ни старалась, не могла припомнить ни имени его, ни даже внешности, разве только то, что ростом он был намного ниже среднего, почти карлик.

Когда проснулся Бенджамин, апрельское солнце поднялось уже высоко. Она лежала, наслаждаясь причудливым монологом ребенка, пока не задумалась над тем, что его болтовня звучит еще более странно, чем обычно. Ну не мог же он в самом деле выговорить подобное: «Жертва – овен, цепь перил», а тем более «В пол венец пережарить». Почудится же такое... Бормотание звучало необычно, голос словно был удален – он раздавался издалека, и Дорин вдруг представилось, будто внука от нее уносят. Она выскочила из постели и со всех ног, чуть не упав по дороге, метнулась в соседнюю комнату.

Дверь приоткрылась на несколько дюймов и застряла, наткнувшись на препятствие. Бенджамин, по крайней мере, был у себя в кровати и сонно заулыбался, когда Дорин протиснулась в комнату. У двери валялся пластиковый микрофон, в нескольких метрах от его места на полке, оторванный от провода. Дорин подняла его с пола, руки у нее ходили ходуном.

– Кто его сюда бросил, Бенджамин? – спросила она ласково.

– Дядя, – ответил ребенок с едва заметной ноткой вызова. – У дяди зубы.

– О чем ты?

– Много-ого зубов. – И словно демонстрируя, как их много, мальчик широко открыл рот и пальцами растянул углы, сделав его еще шире. – Много, – повторил он. – Ходит, когда я сплю.

Дорин очень хотелось бы думать, что внук хвалится собственными зубами.

– Помнишь, что я тебе сказала про того дядю?

– Приходит, когда я сплю.

Дорин начала расправлять его одеяльце, когда в голову ей пришла новая мысль.

– Скажи-ка, а ты можешь отсюда вылезти ко мне?

Бенджамин поднялся на ножки, но смотрел на нее укоризненно.

– Лучше ты меня возьмишь.

Эти слова не доказывали, что малыш не смог бы выбраться из кровати, но сейчас он тянулся к Дорин, и она подняла его на руки. Женщина с трудом удержалась, чтобы не стиснуть его в объятиях – этим его все равно не защитишь. Пока внук обследовал комнаты, она ходила за ним по пятам, не отставая ни на шаг, размышляя о том, как ей трудно с ним расстаться, даже на минуту. Усадив малыша в высокий стульчик, Дорин постаралась как можно быстрее покончить со всеми утренними процедурами.

– Куда отправимся сегодня? – спросила она, переведя дух.

– Менять книжки.

– На редкость удачная мысль, – отозвалась Дорин, сообразив, что еще она может предпринять.

Библиотека находилась в противоположной стороне от железной дороги, за ближним парком, в котором она обещала Бенджамину погулять. Дорин подписала петицию против закрытия шести библиотек и немного посидела, наблюдая, как внук хватается книжки с низкого столика в детском отделении. Устроив его в низеньком креслице, Дорин под села к компьютеру. Она отдавала себе отчет в том, что накануне годовщины смерти дочери ее, скорее всего, мучают галлюцинации, но тем не менее разыскала адрес последней съемной квартиры Анны и имя домовладельца.

Дома пришлось прочитать Бенджамину целых три книжки из взятых в библиотеке, пока его, наконец, сморил сон. Ей удалось, не разбудив, отнести его наверх и уложить в кровать.

«Радионяню» она перенесла к себе в комнату. Слыша, как колотится сердце, она набрала на телефоне номер и долго ждала, пока женский голос не ответил:

– Домовладение Уэсли.

– Мне необходимо выяснить имя одного из ваших съемщиков.

– Простите, мы не предоставляем такую информацию.

– Я понимаю, но тут необычный случай: он был свидетелем на суде у моей дочери, Анны Маршалл. Она жила в том же доме. Год назад она умерла.

Сердце у Дорин билось теперь вдвое чаще обычного. Наконец, женщина заговорила:

– И вы запрашиваете имя того джентльмена, потому что...

– Я не могу его вспомнить, а сейчас оно мне необходимо, чтобы сохранить опеку над внуком.

– Я проконсультируюсь, не вешайте трубку, пожалуйста.

Сердцебиение Дорин еще усилилось за ту минуту, пока она ждала ответа. Наконец, до нее донесся приглушенный шепот, и она приникла к «радионяне», чтобы проверить, не оттуда ли исходят голоса. Еще одну долгую минуту Дорин слышала только свой бешено скачущий пульс, потом в трубке раздался новый голос:

– Это миссис Маршалл? Я Тони Уэсли. Соболезную вашей утрате.

– У меня еще есть внук, мистер Уэсли.

– Джейн так и сказала. Я помню вашу дочь и печальные обстоятельства ее гибели. Я очень хотел бы быть вам полезным.

– Так помогите мне, пожалуйста.

– Как я уже сказал, я очень хотел бы, но... Могу лишь предположить, что наша система регистрации дала сбой. Мы не располагаем записями о квартиросъемщике, который вас интересуется.

Сердце у Дорин колотилось так громко, что заглушило голос в трубке.

– Что это значит, как это вы не располагаете записями?

– Факт сдачи в аренду, судя по всему, не был зафиксирован. Это был короткий период, всего пара недель, до этого там долго жила дама, которая тогда выехала, а потом поселилась другая дама, которая занимает квартиру до сих пор.

– Но ведь он там жил, не правда ли? Вы же знаете, что кто-то там жил.

– Разумеется, жил. – Однако голос Уэсли звучал неуверенно. – Простите нас, но никто здесь не смог даже вспомнить его имени. Да и вообще он никому толком не запомнился.

У Дорин было чувство, что Уэсли отнял у нее не просто имя, а нечто большее – он лишил ее уверенности, словно выбил опору из-под ног. Пробормотав благодарность, которой не испытывала, она долго сидела с онемевшей трубкой в дрожащей руке. Позвонить в суд? А вдруг там не окажется официального протокола допроса свидетеля? Подсознательно эта перспектива пугала Дорин даже сильнее, чем она осознавала. Конечно, откладывать звонок не следовало, но что, если эта нервозность – просто симптом подкрадывшейся старости? Она так и не собралась с духом, чтобы позвонить, а потом проснулся Бенджамин.

После обеда гуляли в парке. На опустевшей детской площадке раскачивались качели, будто кто-то с них соскочил и сбежал при их приближении. Дорин была уверена, что надежно запирает ворота, но уже не раз она, вернувшись, обнаруживала их открытыми. Табличка гласила, что вход с собаками на площадку запрещен, и все же Дорин не оставляло чувство, будто рядом прячется собака, припав брюхом к земле и ощерив зубы. Она усадила Бенджамина на качели и немного раскачала, потом покатала его на карусели, готовая подхватить, если упадет. И все это время ей упорно казалось, что на площадку прокрался непрошенный посетитель с полной зубов пастью и выжидает, прячась у нее за спиной.

Вернувшись с Бенджамином с прогулки, она снова невольно думала о визитере, затаившемся где-то в доме. Вдруг он клубком свернулся в камине и подглядывает за ней сквозь стек-

лянную дверь, а может, прячется где-то за диваном и уже изготoвился к прыжку. Дорин не удивилась бы даже, обнаружив незваного гостя, развалившегося в кресле или, еще того хуже, в высоком стульчике Бенджамина. Конечно, нигде никого не оказалось. Дорин лихорадило, голова раскалывалась, она еле дождалась звонка Губерта и так торопилась ответить, что чуть было не уронила телефон.

– Как прошел день? – спросила она, словно его ответ мог вернуть ее к нормальной жизни.

– О, вполне по-деловому.

– Что обсуждали на этот раз?

– Массу идей, которые, безусловно, можно эффективно использовать.

Дорин поняла, что муж не хочет высказывать своего истинного мнения, чтобы его не подслушали. Ей мучительно хотелось, чтобы он оказался рядом, особенно когда он спросил: «Ну а у вас как день прошел?»

– Наш день?

Дорин не решилась рассказать ни о своих страхах, ни о своих поступках, ими продиктованных.

– Легко представить, – сказала она. – Библиотека и парк.

– Ну, следовательно, все благополучно, – ответил Губерт, и Дорин поняла по голосу, что он несказанно этому рад. – Дашь мне поговорить с нашим героем?

Когда она переключила на громкую связь, он спросил:

– Ты заботишься о нашей бабушке?

– Да, дедуля, – так важно и радостно ответил Бенджамин, что Дорин пришлось подавить нервный смех.

– Ну, что ж, молодец, продолжай в том же духе. Еще две ночи, и я приму у тебя пост.

Окончив разговор, Дорин обратилась к Бенджамину:

– Хочешь еще лучше позаботиться о бабушке?

– Да, – торжественнее прежнего произнес малыш.

– Тогда будешь спать со мной в комнате, пока не приедет дедушка. И нам будет не скучно, если проснемся.

Не слишком ли она над ним трясется? Иногда она раскаивалась в том, что не дрожала так же и над Анной – наверное, есть ее вина в том, что Анна выросла такой уязвимой, что она не смогла уберечь ее, защитить от смерти. Решившись, Дорин перетащила кроватку в большую спальню, Бенджамин энергично ей помогал. После купания она уложила его в кровать и посидела рядом, почитала про Золушку, выбрасывая из сказки все неприятные подробности, потом спустилась вниз, прихватив приемник «радионяни».

Читать Дорин не могла. Слишком нервировала тишина в приемнике и по всему дому. Вскоре она решила лечь, но вместо этого неожиданно для себя села за ноутбук. Румпельштильцхен было не единственным именем, в различных версиях старой сказки это существо называли по-разному, и Дорин повторяла имена, пока они намертво не застряли у нее в памяти. Было стыдно, что она ведет себя, как выжившая из ума старуха, но разве можно хоть чем-то пренебречь ради спасения Бенджамина? Убедившись, что помнит имена, она на цыпочках пробралась к кровати.

Когда она забиралась под одеяло, Бенджамин прошептал что-то и затих. Дорин была уверена, что не сможет сомкнуть глаз, но проснулась в полной темноте уже перед самой полночью. Поглядев на часы, она услышала голос:

– Ты, стало быть, пыталась угадать мое имя? Пробуй все, что твоей душеньке угодно.

Голос был ближе к ней, чем к детской кроватке – возможно, он просто звучал у нее в голове. Прищурившись, чтобы лучше видеть, Дорин не заметила в комнате никаких незнатных предметов, кроме кроватки.

– Ты нас оставишь в покое, если я назову тебя по имени? – спросила она так тихо, что едва слышала сама себя.

– Попробуй.

– Может, тебя зовут ведьма Вупити Стури?

– Не в этой жизни, – раздался издевательский фальцет.

– Ну так Том-Тит-Тот.

– И не тот, и не Том, и не для твоих титек.

– Тихогром – Руидокведито.

– Мимо, даже если бы ты сумела правильно это произнести.

Отвергнув и все остальные попытки, голос вкрадчиво произнес:

– А в суде ты не хочешь навести справки?

Дорин инстинктивно насторожилась.

– Тебе-то это зачем?

– Пусть убедятся, что в их протоколах нет имени свидетеля, глядишь, и назначат повторные слушания.

Неспроста интуиция подсказывала ей, что звонить в суд не нужно, похолодев, поняла Дорин.

– А тебе-то какая разница?

– Может, решат, что им нужно поговорить с отцом и дать ему шанс.

– Ну нет, – в гневе Дорин забыла о страхе, – ты им такое не подскажешь.

– Исключено. Больше меня никто не может услышать.

В кровати заворочался Бенджамин – возможно, разбуженный вскриком Дорин, – а голос зазвучал снова:

– Я все же оставляю тебе знак. Или, может, ты думаешь, что сама все это творишь?

– Нет, не думаю, – начала Дорин... и почувствовала, что разговаривает сама с собой.

Чутко вслушиваясь в тишину, пытаясь обнаружить признаки чужого присутствия, она бодрствовала, но наступил момент, когда усталость взяла свое, и проснулась Дорин уже засветло, под утреннее бормотание Бенджамин. Только окончательно стряхнув сон, она вспомнила, почему детский голосок нынче слышится ближе обычного, но это не помогло лучше понять, что он там лопочет. Ну в самом деле, не мог же он выговаривать «Воин, верь паре, цеп лжет», не говоря уж про «Отрежь в павлине перец». Малыш, встретившись с ней взглядом, тут же что-то стал радостно рассказывать ей, но Дорин невольно осматривалась в поисках знака. Возможно, он оставлен не в этой комнате, если все это вообще не плод воображения смертельно испуганной немолодой женщины.

Внизу она тоже не обнаружила ничего необычного. Бенджамин снова пожелал смотреть на поезда, но по дороге был непривычно молчалив, словно не встретил ничего, заслуживающего комментариев. Мальчик не удостоил вниманием даже фигурку гнома, выглядивавшего из-за сетки на теннисном корте (прежде Дорин ее никогда не замечала – наверное, гнома каким-то образом скрывала проволоочная ограда). Положим, не так уж удивительно, что его не заинтересовал странный куст на площадке для гольфа, похожий на торчащий клочок нечесаных волос, но чтобы Бенджамин не высказался по поводу детской фигурки, мелькнувшей и тут же пропавшей из виду, когда они миновали школу? Дорин была удивлена, вскользя заметив в магазине ребенка без взрослых, да еще и не один раз, но сочла, что эти видения – следствие почти бессонной ночи, как и кривая физиономия, глянувшая на нее из витрины антикварной лавки и нырнувшая в вазу. «Разбойник в кувшине», – возгласил Бенджамин, обретя, наконец, дар речи, хотя Дорин предпочла бы, чтобы он еще немного помолчал.

Красные огни на переезде вспыхнули, на миг ослепив ее, дребезжание звукового сигнала резануло по нервам. Хотя проходящие поезда были почти пустыми, Бенджамин повторял без конца: «Он смотрит». Конечно же, он имел в виду ребенка по ту сторону рельсов, реального

ребенка (а не одну из галлюцинаций Дорин), малыша в коляске, рядом с которой стояла мать. Тем не менее фраза, которую внук твердил, как попугай, нервировала Дорин. Поезда напоминали ей обрывки фотопленки в проекторе, и было легко внушить себе, что она явственно различает лицо в нижнем углу каждого окна – только верхнюю часть лица, одного и того же. Мимо переезда прошло шесть поездов, пока Бенджамин, наконец, не решил, что ему хватит, – Дорин к этому времени была сыта по горло.

Уложив ребенка в кроватку, женщина и сама прилегла. Засыпать она не собиралась, но когда очнулась, Бенджамин уже стоял, держась за рейки, и был совсем не прочь пообедать. Накормив и умыв внука, она повезла его к Джонквиль.

– Ни о чем не беспокойтесь и не спешите, – сказала ей Джонквиль, когда Бенджамин потрусил в дом навстречу Дейзи. – Готовьте свой сюрприз столько, сколько нужно.

Дома Дорин принялась за торт. Готовка не помогла ей отвлечься от мыслей о том, что она в доме одна, и от воспоминаний о том, что случилось год назад. Она ехала в Лондон на поезде, когда зазвонил телефон и прозвучали последние слова Анны:

– Прости, мамочка. Ты не поймешь меня, но так будет лучше.

Для Дорин было непостижимо, как могла Анна оставить Бенджамина у подруги и нагло таскаться добытых где-то наркотиков вперемешку с лекарствами, выписанными врачом. Сейчас ей казалось, что она начинает понимать дочь – или воспоминания просто пагубно сказались на ее рассудке? Поставив торт в духовку, Дорин поднялась, чтобы запереть шкаф. Не хотелось бы, чтобы Бенджамин, переселившись в ее комнату, раньше времени обнаружил подарки.

Низкорослая тень, выглянувшая из-за кровати, на поверку оказалась всего-навсего одним из плюшевых мишек. Дорин открыла шкаф, чтобы взглянуть на подарки, и, пошатнувшись, вцепилась в деревянную створку, чтобы не упасть. Коробки с подарками, которые она любовно заворачивала и укладывала вдоль задней стенки, были неаккуратной стопкой свалены в левом углу. Так вот он, знак – или она сама сделала это во сне, если не в бреду? Что, если все это – просто бред, вызванный сомнениями и страхом? Дорин нырнула в шкаф, аккуратно разложила подарки и проверила, надежно ли заперла дверцу. Женщине начинало казаться, что это не единственные знаки, нужно распознать кое-что еще.

Хотя она очень старалась, покрывая торт глазурью, серединка у большой синей цифры на желтом сахарном фоне получилась кривой, выдавая предательски дрогнувшую руку. Уже темнело, когда Дорин села в машину, она торопилась и потому не сразу заметила притаившуюся на детском сиденье крохотную фигурку. Она сразу не бросилась в глаза еще и потому, что была безголовой. Детская кукла, пластмассовый пупс, а голова у нее была откушена, и следы зубов еще влажно блестели. Дверца была не заперта – возможно, Дорин, погруженная в свои мысли, оставила ее открытой, когда приехала домой. Пупса она вышвырнула в мусорный контейнер у дороги и, подождав, пока перестанут дрожать руки, завела мотор.

Джонквиль, открывшая ей дверь, хмурилась. Дорин мгновенно встревожилась: «Что-то случилось?»

– Мы весело проводили время, хотя, возможно, кое-кому было немного веселей, чем прочим. А у него странные представления об игре в прятки, не находите?

– Странные? Чем же? – насторожилась Дорин, что-то предчувствуя.

– Он все твердил Дейзи, что есть еще кто-то, кто их ищет. Девочке стало немного не по себе, честно говоря.

– Ты не должен пугать Дейзи, если хочешь с ней дружить! – Дорин выждала, пока не усадила Бенджамина на детское сиденье (протертое с великим тщанием), и только тогда как бы невзначай осведомилась: – А кто играл с вами в прятки, Бенджамин?

– Мистер Зубастик.

Дорин собрала все самообладание, чтобы сдержать дрожь.

– Это его имя?

– Я так зову.

Не стоило и спрашивать. Бессмысленно надеяться, что Бенджамин сможет назвать ей настоящее имя (если оно вообще имелось). И в этот момент, вздрогнув всем телом так, что заглох мотор, она поняла то, что пыталась осознать все это время.

– Бенджамин, – спросила она, – а что это ты лопочешь по утрам, когда просыпаешься?

– Не помню, – ответил Бенджамин чуть ли не с негодованием. – Во сне.

– Мне просто интересно, – продолжала Дорин, молясь про себя, чтобы ей удалось их припомнить, – где ты слышал все эти слова?

– Не помню. Во сне.

Теперь Дорин была почти уверена – она завела машину и помчалась домой. Никто не поджидал их в высоком стульчике, и даже игрушки Бенджамина вроде бы никто не раскидал. Дорин играла с малышом, смотрела, как он ест свой ужин, вытирала остатки еды со щек, а в голове крутились слова, и она переставляла их так и эдак, придавая все новые очертания. К тому времени, когда позвонил Губерт, слова еще не выдали своей тайны.

– Чему ты посвятила этот вечер? – спросил он.

– Просто думаю.

– Постарайся не тосковать ни о ком слишком сильно, договорились? А я буду с тобой уже завтра, постараюсь приехать пораньше.

– А ты чем собираешься заняться?

– Хочу немного отдохнуть. – Голос мужа прозвучал немного виновато. – Непременно позабочусь о том, чтобы в ближайшее время и тебе представилась такая возможность.

Дорин включила громкую связь, и Губерт сказал:

– Как следует опекай нашу прекрасную даму, Бенджамин, пока я не приеду домой.

В ванной следов нашествия не было, и шкаф оставался закрытым. У Дорин шла кругом голова от слов и их несуразных обрывков, так что на ночь она выбрала для Бенджамина самую короткую сказку про короля, который не знал, что он голый. Мальчик слушал ее серьезно и торжественно, не улыбувшись, даже когда она поцеловала его, пожелав спокойной ночи. Наблюдая, с какой неохотой он засыпает, Дорин решила было остаться наверху – но тут же поняла, что несмолкаемый шум в голове мешает ей, совершенно не давая ясно мыслить. Прихватив приемник «радионяни», она поспешила вниз, к компьютеру.

Неужели вспыхнувшая надежда – всего-навсего ложный след? Сайты, составляющие анаграммы, не были рассчитаны на длинные фразы вроде тех, с которыми она отчаянно пыталась разобраться. Наконец, она обнаружила сайт с программой, которая это делала, и напечатала один из бессмысленных наборов слов, которые невольно запомнила, слушая ребенка. Через несколько мгновений на экране появился вариант, заставивший ее одновременно похолодеть от ужаса и почувствовать ликование. «Вот оно, – прошептала она, – чудеса еще все-таки случаются». Она испробовала несколько других сочетаний, чтобы проверить догадку, а потом легла.

Дорин не верила, что сможет заснуть, но на всякий случай поставила будильник и спрятала часы под подушку. Проснулась она от странного ощущения, будто кто-то касается ее лица. Оказалось, это сработал вибросигнал будильника. Она еще пыталась отключить его, когда из тьмы раздался тихий голос.

– Ты меня ждешь?

Она не отвечала, пока не справилась с будильником.

– С кем ты разговариваешь?

– С кем же, как не с женщиной, которая думает, что знает.

– А может, еще и с Бенджамином, а? Говоря, что больше никто тебя не слышит, ты же не имел в виду, что слышать тебя могу я одна?

– Умная женщина. Все вы считаете себя умницами.

– Это ты считаешь себя умнее всех, – возразила Дорин запальчиво, забыв даже понизить голос. – Ты хуже ребенка. Решил, что можешь безнаказанно дразнить Бенджамина, вот до такой степени ты нас презираешь, но тебе и в голову не пришло, что малыш может дать мне знать, пусть даже сам того не понимая.

– Ты сама-то соображаешь, что говоришь? Послушай себя. Ты выжила из ума, Дорин.

– Нет, пока я еще помню свое имя. Сказать, почему никто не знает твоего?

– Позабавь меня. Я не тороплюсь, ведь теперь он мой.

– Потому что имени у тебя нет.

Дорин услышала хихиканье и шелканье мелких зубок.

– Значит, ты не можешь его назвать и спасти его.

– И все же я могу сказать, как ты зовешься.

– Я жду. Я весь превратился в уши – не считая рта.

– Может, так: «А перережь винт, пловец!»?

– Полно, это вовсе не имя! – Голос зазвучал резко, как оскаленные зубы.

– Я же сказала, у тебя никогда не было имени. Может, тебя зовут «Повар вен, теперь жилец»?

– Ты бредишь, женщина. Ты так же безумна, как была безумна твоя дочь.

– Да, потому что ты и Денни превратили ее жизнь в ад. – От горя Дорин с трудом сохраняла контроль над собой, но знала, что должна держать себя в руках, пока еще не отстояла Бенджамина. – Цвет вне пера про жилье, – прошептала она.

– Это даже не фраза. – Голос звучал насмешливо, но в нем нарастала злоба. – Довольно. Время настало.

– Да, – отозвалась Дорин. – Настало время для меня и моей семьи.

Она устала дразнить его, пришла пора произнести слова, которые ей выдал компьютер.

– Тебя зовут пожиратель первенцев, – сказала она.

Из угла за кроватью, завывая, как хищный зверь, попятилась тень. Ростом она была немногим выше Бенджамина, но широкая и приземистая, как жаба. В полумраке Дорин не могла рассмотреть его как следует, особенно лицо, тем более что оно было совсем крохотным. Однако она рассмотрела зияющую пасть, в которой поблескивали зубы, множество мелких зубов, а потом челюсти вдруг раскрылись еще шире, как бы зевая. Голова словно развалилась на две половины и вдруг проглотила сама себя, следующий конвульсивный глоток – и в пасти исчезло приземистое тело. Вой резко оборвался, будто существо взорвалось, а в кровати с плачем проснулся Бенджамин. Как только он захныкал, Дорин через всю пустую комнату бросилась и прижала мальчика к себе.

– С днем рождения, мой родной, – шепнула она.

* * *

Рэмси Кэмпбелл родился в Ливерпуле и до сих пор живет в Мерсисайде со своей женой Дженни. Его первая книга, сборник рассказов под названием «Обитатель озера и другие непрошенные жильцы» была выпущена легендарным издательством Августа Дерлета Arkham House в 1964 году. Им также написаны романы «Кукла, которая съела его мать» (*The Doll Who Ate His Mother*), «Тот, кто должен умереть» (*The Face That Must Die*), «Безымянные» (*The Nameless*), «Воплотившийся» (*Incarnate*), «Голодная луна» (*The Hungry Moon*), «Древние изображения» (*Ancient Images*), «Считаю до одиннадцати» (*The Count of Eleven*), «Давно утраченное» (*The Long Lost*), «Пакт отцов» (*Pact of the Fathers*), «Самый темный лес» (*The Darkest Part of the Woods*), «Ухмылка тьмы» (*The Grin of the Dark*), «Похитители страха» (*Thieving Fear*), «Твари из омута» (*Creatures of the Pool*), «Семь дней Каина» (*The Seven Days of Cain*), «Призраки знают» (*Ghosts Know*), «Добрые люди» (*The Kind Folk*) и сценарий фильма «Соломон Кейн».

Его короткие новеллы широко представлены в многочисленных сборниках. Будучи сейчас на пятом десятке жизни и став одним из наиболее уважаемых авторов хоррор-литературы, Кэмпбелл был удостоен множества наград, таких как *World Fantasy Awards*, *British Fantasy Awards* и *Bram Stoker Awards*, а также *World Horror Convention Grand Master Award*, *the Horror Writers' Association Lifetime Achievement Award*, *the Howie Award of the H.P. Lovecraft Film Festival for Lifetime Achievement*, и *International Horror Guild's Living Legend Award*.

Поющая косточка

В одну землю пришла великая беда: поселился там дикий вепрь, который опустошал крестьянские поля, убивал скотину, а людей рвал на куски своими клыками. Король обещал большую награду смельчаку, который освободит землю от этой напасти. Но так громаден и силен был зверь, что никто не отваживался и близко подходить к лесу, в котором он поселился. Наконец король пообещал отдать в жены свою единственную дочь тому, кто поймает или убьет дикого вепря.

В то время жили в этой земле два брата, сыновья бедняка. Явились они во дворец и сказали, что хотят отважиться на это опасное дело. Старший брат, ловкий да хитрый, согласился, потому что был горд и уверен в себе, а младший – дурачок и простофиля – решился на это от доброго сердца.

Говорит им король:

– Чтобы взять зверя наверняка, вам нужно заходить в лес с разных сторон.

И отправился старший брат в лес с западной стороны, а младший – с восточной. Прошел младший брат немного и видит вдруг прямо перед собой человечка с черным копьем в руке. Говорит ему человек:

– Я дам тебе это копьё, потому что у тебя сердце чистое и доброе. С этим копьем ты можешь смело идти на дикого вепря, и он не причинит тебе никакого вреда.

Поблагодарил младший брат человечка, положил копьё на плечо и бесстрашно двинулся в путь.

Вскоре он заметил вепря, который несся прямо на него, но парень выставил навстречу ему копьё. Ослепленный злобой зверь кинулся на копьё, да так стремительно, что ему разорвало надвое сердце. Взвалил тогда младший брат чудовище на плечи и пустился в обратный путь, чтоб отнести его королю.

Вышел он из лесу с другой стороны и оказался у входа в дом, где гуляли люди – плясали и пили вино. Был там и его старший брат – он решил, что вепрь от него никуда не денется, вот и захотел сперва напиться для пушей храбрости.

Едва увидал он младшего брата, выходящего из лесу с тяжелой добычей на плечах, как в сердце его поселились зависть и злоба. Он окликнул брата:

– Сюда, милый братец, зайди-ка, отдохни да подкрепишься кубком вина.

Юноша, не заподозрив дурного, вошел и поведал брату о том, как добрый маленький человечек дал ему копьё и как он убил им страшного вепря. Старший брат не отпускал младшего от себя, пока не наступил вечер, а как стало смеркаться, они отправились вместе.

Как подошли они в потемках к мосту через ручей, старший пропустил младшего вперед; и вот когда тот был уже на середине моста, старший брат нанес ему сзади такой сильный удар, что младший свалился замертво. Закопал он брата под мостом, а сам взвалил вепря на плечи, отнес королю и притворился, будто это он его убил. За это получил он в жены королевскую дочь.

Когда младший брат не вернулся назад, старший сказал:

– Должно быть, дикий вепрь разорвал его, – и все ему поверили.

Но ничего не остается скрытым от Бога; вот и этому злодеянию суждено было обнаружиться. Много лет спустя гнал как-то пастушок свое стадо через мост, да и заметил внизу на песке белую, как снег, косточку. Решил пастушок, что из нее выйдет славный наконечник для его рожка. Спустился он, поднял косточку и вырезал из нее наконечник. Но не успел он заиграть на рожке, как косточка, к великому удивлению пастушка, вдруг сама собой запела:

Ах, мой милый пастушок, ты играй, играй в рожок.

Я ж тебе расскажу, что давно в реке лежу.
Из-за вепря брат сгубил меня, за награду,
ради дочки короля.

– Что за чудесный рожок, – сказал мальчик, – поет сам, будто человек. Отнесу-ка я его королю.

Когда же пришел он к королю, рожок опять принялся петь свою песенку. Король сразу обо всем догадался, велел раскопать землю под мостом – и нашли там косточки убитого человека.

Не смог злой брат отрицать своего злодеяния, потому его зашили в мешок и живым утопили. А кости убитого младшего брата схоронили на кладбище, и он обрел покой в красивой гробнице.

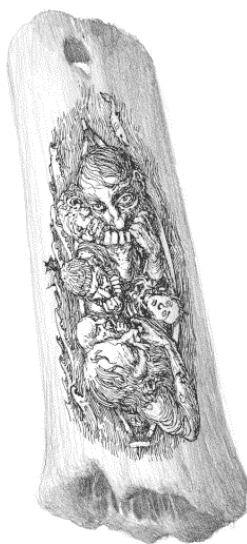
Нил Гейман

Вдаль, к тусклому морю

Темза – скверная тварь: она вползает в Лондон, словно аспид или морской змей. Все реки в нее впадают – Флит и Тайберн, и Некинджер, принося разную мерзость и пакость, отбросы и сточные воды, трупы кошек и собак, бараньи и свиные кости, в бурые воды Темзы, а она тащит все это на восток, в устье, а оттуда в Северное море и дальше, в забвение.

В Лондоне льет дождь. Дождь смывает грязь в сточные канавы, от него ручьи вздуваются, будто реки, а реки становятся мощными потоками. Дождь – шумное создание, он плещет, стучит и барабанит по крышам. Если с неба и падает чистая вода, ей достаточно коснуться Лондона, чтобы стать грязью, всколыхнуть грязь и превратить ее в топкую слякоть.

Никто не пьет эту воду, ни дождевую воду, ни речную. Поговаривают, что вода из Темзы моментально убивает, но это неправда. Мальчишки, что прочищают водостоки, глубоко ныряют за брошенными монетками, а потом выныривают, плюются речной водой, дрожат и сжимают свои пенни в кулаке. Они не умирают, конечно, ничего такого, хотя не бывает чистильщиков водостоков старше пятнадцати лет.

Женщина, судя по всему, не обращает внимания на дождь.

Она направляется к докам Ротерхайта, она ходит туда уже много лет, может, даже много десятков лет: никто не знает сколько, потому что никому нет дела. Она ходит там, в доках, или стоит и смотрит на море. Пристально глядит на стоящие на якорях корабли, как они покачиваются на волнах. Видно, что-то мешает ее душе расстаться с телом, но никто из портового люда понятия не имеет, что именно.

Убежищем от потопа служит брезентовый навес, натянутый парусным мастером. Сначала вам кажется, что больше под навесом нет ни души, потому что она – как статуя, стоит неподвижно и не отрываясь глядит на воду, хотя сквозь пелену дождя ничего не разглядишь. Да и дальний берег Темзы исчез.

А потом она видит вас. Она видит вас и начинает разговор – не с вами, о нет, а с серой водой, падающей с серого неба в серую реку. «Сынок-то мой моряком хотел стать», – говорит она, и вы не знаете, что ей отвечать и как отвечать. Вам пришлось бы надрываться, орать во всю глотку, чтобы перекрыть рев дождя, а она говорит, и вы слушаете. Сами не замечая, вы вытягиваете шею и наклоняетесь, чтобы уловить ее слова.

Сынок-то мой моряком хотел стать.

Говорила я ему не ходить в море. «Я – твоя мать, – говорила я. – Море тебя так не полюбит, как я люблю, жестокое оно». Но он отвечал: «Ах, матушка, я хочу повидать свет. Хочу посмотреть на восход солнца в тропиках, полюбоваться северным сиянием в небе Арктики, а больше всего хочу сколотить денег, а потом, как разбогатею, я вернусь к тебе, построю тебе дом и слуг найму, и будем мы с тобой танцевать, матушка, ох, как же мы потанцуем...»

«Что я стану делать в этом богатом доме? – спрашивала я его – Дурачок ты, хоть и красиво говоришь». Я рассказывала ему о его отце, который не вернулся из моря – одни сказывали, что смыло с палубы и он утонул, а другие клялись и божились, будто видели его в Амстердаме и что он там заправлял веселым домом.

А какая разница? Так или этак, море взяло его.

Когда ему сравнялось двенадцать, моему мальчику, он сбежал в доки и нанялся на первый подвернувшийся корабль, до острова Флориш на Азорских островах, так мне сказали.

Бывают такие корабли, за которыми беда ходит по пятам. Дурные корабли. Их перекрашивают после очередного несчастья и дают новое имя, чтобы доверчивых околпачить.

Моряки суеверны. Слухи расходятся. Сперва капитан посадил тот корабль на мель по приказу судовладельцев, чтоб обмануть страховщиков. А сразу после починки, совсем как новенький, он был захвачен пиратами. А потом на борт взяли партию одеял, и весь экипаж покосила моровая язва, только трое в живых остались, они и привели его в Гарвичский порт...

Мой сынок нанялся на несчастливый корабль. Уже на обратном пути, когда он вез мне все свое жалованье – потому что был слишком молод, чтоб тратить денежки на женщин да на прог, как делал его папаша, – разразился шторм.

В спасательной шлюпке он был самым младшим.

Они сказали, что честно бросали жребий, да я не верю. Он был меньше их и слабее. Восемь дней шлюпка дрейфовала в море, и они страшно голодали. И, уж конечно, сплутовали они, когда бросали жребий.

Дочиста обглодали они его косточки, одну за другой, и отдали их новой матери, морю. Та мать ни слезинки не проронила, приняла их без единого слова. Жестокая она.

Иной раз по ночам я жалела, ох, как же я жалела, что он сказал мне правду. Уж лучше бы соврал...

Побросали они в море косточки моего мальчика, но помощник капитана – он моего мужа знал, был знаком и со мной (и, сказать по чести, знаком ближе, чем думал муженек), – так вот, он сберег одну косточку, на память.

Вернувшись, они все, как один, клялись, что мой мальчик погиб на затонувшем корабле, а тот пришел ночью и рассказал всю правду, и косточку мне отдал, ради любви, что случилась меж нами однажды.

Я сказала: «Что же ты наделал, Джек. Ты ведь своего сына съел».

Море и его забрало в ту ночь. Он зашел в него, доверху набив карманы камнями, и так шел до конца. Он никогда не умел плавать.

А я повесила кость на цепочку, чтобы вспоминать их обоих поздними вечерами, когда ветер поднимает океанские валы и обрушивает их на песок, когда ветер завывает в трубах, будто то плачет дитя.

Дождь утихает, и вы думаете, что она закончила рассказ, но тут, в первый раз, она взгляды на вас и как будто хочет что-то добавить. Она снимает что-то с шеи и протягивает это вам.

«Вот, – говорит она. Теперь, когда ваши взгляды встречаются, вы замечаете, что глаза у нее коричневые, как вода в Темзе, – хотите потрогать?»

Вам хочется сорвать это с ее шеи и швырнуть в Темзу – пусть чистильщики водосточков найдут это или потеряют. Но вместо этого вы пятитесь и выбираетесь из-под навеса, и дождевая вода бежит по вашему лицу, словно чьи-то чужие слезы.

* * *

Нил Гейман (совместно с Роджером Эвери) написал сценарий для фэнтезийного фильма «Беовульф» режиссера Роберта Земекиса, по его книгам сняты фильмы «Звездная пыль» Мэттью Вона и «Коралина» Генри Селика. По его роману «История с кладбищем», за который он получил Медаль Ньюбери, также снимаются фильмы, Гейман является одним из их продюсеров. Этот неистощимый на выдумки автор выпустил также книгу стихов «Черничная девочка» с иллюстрациями Чарльза Весса; совместно с Дейвом Мак-Кином он издал иллюстрированную книжку «Безумные волосы» («Джунгли на макушке»), а также книгу комиксов «Бэтмен: что случилось с крестоносцем в плаще» совместно с художником Энди Кубертом. В 2008 году Гейман написал детскую книгу «Одд и ледяные великаны», а в книгах «Абсолютная Смерть» и «Полная Смерть» от *DC/Vertigo* появляется персонаж из его комикса «Песочный человек». Также писатель работает над документальной книгой о Китае, посвященной его поездке в эту страну в 2007 году.

Рапунцель

Давным-давно жили на свете муж с женой. Очень хотели они ребенка, а его все не было. Наконец, у женщины появилась надежда на то, что Бог исполнит ее желание.

Была у этих людей в доме комнатка с маленьким оконцем, из которого открывался вид на чудесный сад, полный великолепных цветов и трав. Однако сад был окружен высокой стеной, и ни один человек не решался туда входить, ведь хозяйкой того сада была ведунья, очень могущественная, и ее боялись все на свете.

Стояла как-то жена у оконца, заглянула в сад и увидела грядку, на которой рос необыкновенной красоты салат-рапунцель; и такими аппетитными были сочные зеленые листья, что женщине стало прямо невмочь, до того захотелось их попробовать.

С каждым днем желание это все усиливалось, но, зная, что исполнить его невозможно, она стала чахнуть день ото дня, исхудала, и вид у нее был совсем больной. Муж, заметив это, обеспокоился и спросил ее:

– Что печалит тебя, милая женушка?

– Ах, – отвечала она, – если не доведется мне отведать листьев зеленого рапунцеля из сада за нашим домом, то помру – не иначе.

Муж, который очень ее любил, подумал: «Не стану же я дожидаться, пока жена помрет, добуду и принесу ей рапунцеля во что бы то ни стало».

Вечером, как стемнело, он перелез через стену, очутившись в саду у колдуньи, а там сорвал поскорее пучок зеленого рапунцеля и отнес жене. Она не мешкая приготовила из него салат и тут же с жадностью его съела. И так он ей понравился, таким вкусным показался, что назавтра ей захотелось рапунцеля в три сильнее прежнего. Снова она не находила себе места, и муж решился забраться в сад еще раз.

Как стемнело, перебрался он через каменную стену. Но, прыгнув вниз, он страшно перепугался, увидев прямо перед собой ведунью.

– Как ты посмел, – свирепо спросила она, – забраться, как вор, в мой сад и похитить мой рапунцель? Теперь тебе несдобровать.

– Ах, – ответил он, – прошу вас, смилуйтесь надо мной, ведь я решился на это лишь потому, что нужда заставила. Жена моя увидела ваш рапунцель в окошко и так захотела его отведать, что, глядишь, неровен час, померла бы, не добудь я для нее немного листьев.

При этих словах ведунья немного смягчилась и сказала ему:

– Если ты сказал мне правду, то я позволю тебе набрать рапунцеля сколько пожелаешь, но только при одном условии: ты должен отдать мне дитя, которое родится у твоей жены. У меня ему будет хорошо, я стану о нем заботиться, как родная мать.

Перепуганный муж на все согласился. Когда пришло время и жена родила девочку, явилась тотчас ведунья и забрала дитя с собой, а имя ему дала Рапунцель.

Выросла Рапунцель и стала такой красавицей, каких свет не видывал.

Когда ей минуло двенадцать лет, ведунья заточила падчерицу в башне, стоявшей в лесу; не было в той башне ни лестницы, ни дверей, лишь крохотное оконце на самом верху. Когда ведунья хотела подняться на башню, она, встав под окном, окликала снизу:

Рапунцель, Рапунцель, Спусти-ка мне свою косу.

А волосы у Рапунцель были прекрасные – длинные и шелковистые, будто золотая пряжа. Слыша голос ведуньи, она распускала косы, свешивала вниз, примотав к оконному крючку, и волосы падали вниз на целых двадцать аршин, а ведунья, уцепившись за них, взбиралась наверх.

Долго ли, коротко, случилось как-то королевскому сыну скакать на коне по тому самому лесу, где стояла башня. Вдруг он услышал пение, да такое красивое, что он остановил коня и

прислушался. То Рапунцель – а голосок у нее был пречудесный – напевала песню, чтобы скоротать время в одиночестве. Вздумал королевский сын подняться к ней в башню, стал искать вход, но не нашел дверей. Он отправился восвояси, но так ему понравилось девичье пение, что стал он каждый день ездить в тот в лес и слушать его.

Вот как-то раз, укрывшись за деревом, увидел он, как пришла ведунья, услышал, как она зовет:

*Рапунцель, Рапунцель,
Спусти-ка мне свою косу.*

Рапунцель спустила свои косы, и колдунья поднялась к ней наверх.

«Так вот по какой лесенке поднимаются туда! Что если и мне попытать счастья?!», – воскликнул он. На завтра, как начало смеркаться, подъехал королевский сын к башне и крикнул:

*Рапунцель, Рапунцель,
Спусти-ка мне свою косу!*

Тотчас упали вниз волосы, и королевич забрался по ним.

Рапунцель сначала очень испугалась, поняв, что к ней поднялся человек, которого она прежде не видала. Но юноша заговорил с ней ласково и рассказал, что ее пение разбредило ему душу, теперь же он не знает покоя и непременно должен был ее увидеть.

Тогда Рапунцель осмелела, а когда юноша спросил, выйдет ли она за него замуж, она, увидев, что он молодой и пригожий, рассудила так: «Он-то, пожалуй, будет больше любить меня, чем старая фрау Готель».

Так что она согласилась и протянула ему свою руку. Потом сказала:

– Я бы охотно ушла вместе с тобой, да не знаю, как мне спуститься вниз. Когда ты будешь ко мне приходить, приноси всякий раз по мотку шелковой пряжи. Я стану плести из шелка лестницу, а как будет она готова, спущусь по ней, и ты увезешь меня на своем коне.

Они условились, что он станет приходить к башне каждый вечер, потому что старуха приходила днем. Ведунья ничего не замечала, пока однажды Рапунцель не спросила:

– Скажи, фрау Готель, почему это тащить тебя наверх мне трудней, чем молодого королевича? Он-то вмиг забирается ко мне наверх.

– Ах ты, скверная девчонка! – закричала ведунья. – Что я слышу? Я-то думала, что спрятала тебя ото всего света, а ты все же обманула меня!

В ярости она вцепилась в прекрасные кудри Рапунцель, намотала ее косу себе на левую руку, а правой схватила ножницы и – вжик! – отрезала ее чудесные косы и швырнула их на землю. Ведунья не знала жалости, выгнала она бедную Рапунцель в безлюдное место и оставила там мыкаться в горе и нищете.

А избавившись от Рапунцель, в тот же самый день, ведунья привязала отрезанные косы к оконному крючку. Вечером пришел королевский сын и крикнул:

*Рапунцель, Рапунцель,
Спусти-ка мне свою косу!*

Ведунья и спустила волосы вниз.

Королевич взобрался, но вместо своей любимой Рапунцель увидел перед собой старуху, которая смотрела на него злобно и свирепо.

– Ага! – крикнула она насмехаясь. – Ты собрался увезти свою милую, да вот незадача – прелестная птичка выпорхнула из гнезда. Ее утащила кошка, а тебе она еще и выцарапает глаза. Ты навсегда потерял Рапунцель, больше тебе ее не видать!

Королевич от горя позабыл себя и в отчаянии выпрыгнул из башни вниз. Он остался в живых, но колючие шипы кустов, в которые он упал, выкололи ему глаза. Так и бродил он слепой по лесу, питаясь одними кореньями да ягодами, и только и делал, что горевал и оплакивал потерянную любимую жену.

Несколько лет он скитался так в горе и печали и забрел наконец в глушь, где жила в нищете Рапунцель с детьми, которых она родила, – близнецами, мальчиком и девочкой.

Королевский сын услышал чей-то голос, и таким знакомым он ему показался, что он пошел на звуки голоса. Стоил ему подойти поближе, как Рапунцель тут же его узнала, бросилась к нему на шею и заплакала. Две ее слезинки смочили ему глаза, и он сразу прозрел и стал видеть лучше прежнего.

Привел он ее в свое королевство, где его встретили с радостью, и они долго жили в счастье и довольстве.

Танита Ли

Раствори окно твое, Златовласка

Там, где деревья расступались, он увидел башню. Она казалась подвешенной в воздухе, поскольку стояла на возвышении, а сосны, похожие на иссиня-черный мех, *будто карабкались по ней, но не достигали вершины*. Довольно странная башня, подумал он. Она была из старого камня, огрубевшего, как бывает со старыми вещами (и это касалось не только неодушевленных предметов). Ему вспомнилась старуха, которую он видел в молодости (все называли ее ведьмой), угрюмая и древняя на вид, словно каменистый утес. Кто-то сказал тогда, что она всегда была старой – не меньше пятидесяти, но никогда ей не становилось больше семидесяти – однако «по тем временам это соответствовало нынешним девяноста». Башня производила похожее впечатление.

Браун поднял бинокль и внимательно ее рассмотрел, так же, как рассматривал все достопримечательности в поездке по Европе; не то чтобы ему этого хотелось или было для чего-то нужно, нет, скорее он делал это потому, что так было положено.

Но башня была какой-то необычной. Будто она попала в зеркальный разрыв пространственной пустоты, а за ней только лоскут безоблачного осеннего неба, залитого бледно-золотистым светом клонящегося к закату солнца. Был виден практически только силуэт башни. Но из узких, высоких оконных щелей определенно что-то свешивалось. Что это было? Что-то желтоватое, не то нити, не то завитки тумана – а может, выюнки.

Не следует ли ему поискать сведения о башне в путеводителе? Нет. Лучше уж добраться до небольшой гостиницы, которая, как ему сказали, находится совсем недалеко, к западу отсюда. Чтобы дойти до нее, потребуется около получаса, к этому времени солнце зайдет. Браун не был в восторге от перспективы гулять по лесу ночью, по крайней мере в одиночку.

* * *

Гостиница произвела на него двойственное впечатление. Его встретили там столь радушно и так учтиво с ним говорили, что невольно закралась мысль: похоже, его собираются ограбить, если не прямо, то заломив заоблачную цену за ночлег и угощение.

Однако вечер прошел очень приятно, с пивом и вполне недурной разнообразной едой. Был разведен камин, и это оказалось как нельзя более кстати, так как после заката снаружи начал просачиваться холод, не очень сильный, но ощутимый. Браун присмотрел удобное место поближе к очагу. Поев, он закурил и сделал несколько заметок для памяти о проделанном за день пути. Это было нужно ему в основном для того, чтобы по возвращении рассказывать знакомым о местах, где он побывал. Он подозревал, что иначе многое позабудет. Обычно такие вещи не задерживались у него в памяти надолго. Покончив с записями, он спросил радушного хозяина о башне.

– О, у нас не принято говорить о ней, – значительно произнес тот. – Она приносит несчастье.

– Кому? – усмехнулся Браун.

– Всем. Это местечко в стародавние времена было обиталищем ведьмы.

– Ведьмы?

Хозяин, наполнявший кружку Брауна, выпрямился и торжественно сказал: «Не стоит даже глядеть на нее. И уж тем более – подходить к ней».

А затем, вопреки собственному утверждению, что о башне лучше даже не заговаривать, продолжил:

– Говорят, что в старые времена, много веков назад, там жила некая тварь, которая служила ведьме. Говорят, она взрастила эту тварь, силой заставив человеческую женщину, и все то время, пока мать носила в своем чреве чудовищное дитя, ведьма потчевала ее особыми зельями и травами, которые сама выращивала в своем жутком саду. Неудивительно, что мать умерла, как только младенец появился на свет. Тварь росла под надзором ведьмы и, выполняя ее приказы, совершала деяния, полные зла и скверны.

– Очень увлекательная история, – сказал Браун, успевший, сказать по правде, заскучать.

– Это еще не все, – произнес хозяин, мрачно уставившись на низкие закопченные балки потолка. – Башня манила к себе мужчин, и некоторые даже забирались на нее. Они были одурманены и привлечены образом прекрасной молодой женщины с золотистыми волосами, которая выглядывала из узкого окошка и заигрывала с ними. Но, стоило им добраться до верха и влезть в окно... Ах! – воскликнул хозяин, да так резко, что Браун подскочил на месте и расплескал свое пиво (по всей видимости, уловка, чтобы заставить его купить еще кружку). – Ах, пресвятая дева, защити нас! Никто не должен смотреть на башню и приближаться к ней. Я и так слишком много сказал, дорогой мистер. Забудьте все, что я наплел.

Брауну снилось, будто он вернулся к башне.

Однако во сне он был гораздо моложе, лет семнадцати-восемнадцати. Отец склонился над ним (как мистер Браун старший частенько делал при жизни) и увещевал сына: «Не прикасайся к *этому*, мальчик мой. Не стоит к *этому* прикасаться».

На самом деле, конечно же, *стоило*. Так прекрасно было это золотистое невесомое облако, словно перья, вылезающие из подушки, набитой лебяжьим пухом (только если бы это был пух золотых лебедей).

«Но это так приятно, отец», – ответил Браун.

И недовольно проснулся в крохотной спальне, располагавшейся под самой крышей лесного трактира.

Полночь, – настойчиво, хотя и безмолвно объявили его часы.

Теперь он всю ночь заснуть не сможет.

В следующий момент Браун крепко заснул и снова увидел сон.

Текущая золотистая патока... *Конечно же*, она была *сладкой*. Он попробовал ее, лизнув, потом глотал снова и снова и не мог насытиться. В детстве он был лишен сладостей, за этим следил его строгий отец.

Единственное затруднение было в том, что патока лилась и на самого Брауна. Он был покрыт ею. Ох, придется же повозиться, но это будет потом. А теперь лучше просто наслаждаться, пока можно. Браун раскрыл рот пошире и с жадностью и нетерпением протянул вперед руки.

Наступил новый день, яркий, как картинка из книжки, и Браун проснулся с резким, даже тоскливым осознанием того, что ему предстоит продолжить свое захватывающее, полное приключений путешествие по Европе. Но, помилуйте, ради чего все это? Будь он писателем, мог бы написать об этом книгу – хоть какой-то смысл. Но он не писатель – и не плейбой, тот тоже не терял бы времени зря, а провел его по своему усмотрению. Но Браун? Ему-то это зачем? Для того, наверное, чтобы потом нагонять на людей скуку, косноязычно делясь обрывками воспоминаний о том о сем. Например, такой ерундой, как небылицы, что рассказывал вчера хозяин трактира. После этого ему снились странные сны. О чем они были? Определенно о каких-то сладостях и о чем-то... золотом? Глупости.

Браун съел свой завтрак в обычном для него молчании, которое не стал нарушать и хозяин. Невозможно было понять, смущен ли он из-за того, что накануне дал волю языку, или с издевкой вспоминает о своем розыгрыше. Не исключено, решил Браун, что хозяин уже и вовсе выбросил это из головы. А может, он потчевал подобными историями каждого постояльца, который с ним заговаривал.

После завтрака Браун расплатился и покинул трактир.

Следующим пунктом в его путешествии был город на берегу реки. И у города, и у реки были непривычные названия. Если все пойдет по плану, он доберется до этого города за четыре часа.

А пока Браун, шагая сквозь лесную тьму, в которую почти не пробивалось солнце, понял, что, возможно, пошел не по той дороге. Он заподозрил это, так как пейзаж показался ему знакомым. К примеру, вон то юное деревце или эта упавшая сосна, а еще – этот просвет между деревьями, откуда пробивались яркие солнечные лучи.

Браун остановился, недовольно огляделся, чувствуя изрядное раздражение. И что же? Перед ним предстала башня, на сей раз освещенная солнцем, по-прежнему окруженная соснами, которые будто бы подбирались к ней; из ее окон все так же свешивались желтые стебли.

Некоторое время Браун просто стоял и смотрел на башню. До нее было не очень далеко, может, всего пара миль или около того. Он заметил узенькую тропинку, казалось, она ведет через лес прямо к подножию холма, не особенно крутого.

Браун и сам не заметил, как пошел в этом направлении и очутился в начале тропинки, ведущей к небольшой долине у подножия холма. Подумать только, к чему могут привести лень и безразличие! Разве он собирался идти туда? Разве действительно *хотел* подняться наверх и поглазеть на эти невзрачные руины (а башня, скорее всего, окажется именно руинами, когда он посмотрит на нее вблизи)? Но, с другой стороны, почему бы и нет? Ему ведь, в сущности, все равно. Просто очередной ничего не значащий эпизод. Он представил, как делает запись в дневнике: «Поднялся к башне. Тут особо не на что смотреть. Построена, вероятнее всего, в XV веке, вся покрыта вьюном. Не самый интересный пейзаж, так как вокруг все поросло лесом».

Путь по тропинке и подъем по холму не показались ему чересчур обременительными для человека, обошедшего – главным образом пешком – уже две или три страны.

Еще до полудня он приблизился к верхушке холма, и каменное здание замаячило перед ним.

Что ни говори, эта башня все же довольно интересна – но чем? Она слегка накренилась и оттого казалась выше, хотя на самом деле не была так уж высока – ну, может, футов тридцать пять? Сложена она была из темного, гладкого камня, отполированного ветрами и походившего, пожалуй, на твердый, гладкий панцирь какой-то древней морской твари. Узкие окна-бойницы располагались достаточно высоко над землей, но на деле расстояние до них было, конечно, не

так велико, около двадцати восьми или тридцати футов. Да и не такими узкими они окажутся, если представить, что смотришь на них не снизу, а на их уровне. Прodelать такое он бы не смог. По таким башням не карабкаются ни в коем случае. Ему и не хотелось ничего такого. Да и что могло его ждать там, наверху – голые каменные стены? – наверняка на полу за столько лет скопились груды никчемного мусора, не унесенного ворами только потому, что ни на что не годен.

Однако вокруг башни распространялся необычный и странно приятный аромат. Он совсем не походил на смолистый дух сосен, не говоря уж о прочих запахах леса, сухих и влажных, запахах созревания, увядания и смерти. Наоборот, от башни доносилось – что же это было? Медовое благоухание, вызывавшее в памяти соблазнительные сладости Ближнего Востока.

Уж не эти ли странные свисающие сверху вьюнки источают этот аромат? Вокруг не было больше ничего, что могло бы так пахнуть.

Брауну не хотелось приближаться и обнюхивать лианы. В них, без сомнения, полным-полно насекомых, а может быть, даже шипы. Никогда не знаешь, чего ожидать от незнакомых видов. Их цвет тем не менее, был довольно красив. Не столько желтые, сколько золотые, удивительный, какой-то лучезарный оттенок.

Несмотря на опасения, он подошел совсем близко. В растении даже при пристальном разглядывании невозможно было усмотреть ничего вредоносного или губительного. Гладкие, шелковистые и совсем не перепутанные между собой стебельки – будто (что за странный образ) тщательно расчесанные любящими руками волосы. И в самом деле, благоухание исходило от этих густых «локонов». Браун, поддавшись соблазну, нагнулся и полной грудью вдохнул изысканный аромат. Что же он ему напоминает? Какое-то кондитерское изделие – или цветок? Вверху – ему не почудилось – что-то блеснуло. Браун непроизвольно отдернул голову и уставился на единственное окно-бойницу, расположенную прямо над ним. Присмотревшись, он отметил, что, как ни странно, вьюнок определенно не рос из расщелин между камнями, а свешивался из окна – напоминая какую-то странную, воздушную вуаль, свободно ниспадающую по башенной стене.

Но что бы это могло быть – а его взгляд успел уловить движение, – что там мелькнуло в бойнице в тридцати футах над ним, белое, подвижное и – он был уверен – живое?

Застыв на месте с вытянутой шеей, Браун попытался поймать мелькнувшее воспоминание, строчку из стихотворения или песни, произведения какого-то известного и уважаемого поэта и романиста – Томас Гарди, не он ли это был?³ – Златовласка... раствори окно твое... Златовласка...

Что-то сдвинулось – горка щебня или камень, – и нога Брауна поехала в сторону. Теряя равновесие, он инстинктивно попытался опереться о стену башни. Но руки не достигли цели, а вместо этого ухватились за теплый водопад вьюнка. Каким крепким он оказался, каким поразительно шелковистым и мягким, трепещущим от переполнявшей его золотистой жизненной силы. А тягучий аромат теперь окутывал его со всех сторон, чудесный, точно какое-то таинственное зелье.

Браун чувствовал, что если наклонится и упадет вперед, то вьюнок ответит на его движение. Он сумеет удержать его, поддержит и утешит. Изумленно охнув, Браун выпрямился и отклонился назад. Его прошиб холодный пот. Мир вокруг зашатался, и опора под ногами заходила ходуном. Он был... довольно сильно испуган. Что это было и что с ним происходит, Бога ради?... «Проклятье!» – воскликнул Браун.

³ Это был не Томас Гарди. Браун, скорее всего, вспоминает первую строку из стихотворения другого «известного и уважаемого» писателя, Джеймса Джойса («Lean out of the window, Goldenhair...»), послужившую названием этому рассказу.

Какая нелепость – выюнок вцепился в него, приклеился к пальцам, кистям, рукам, – сразу множество стеблей тянулось к груди, прилепляясь к одежде, к коже на его шее, и все это с ошеломительной быстротой. Да, он оказался липким. Очень липким, словно какой-то жуткий клей...

Отбиваясь, извиваясь и барахтаясь, Браун кричал и чертыхался, сдирая с себя путы, пытаюсь вырваться, злясь все сильнее и делая новые попытки что было сил вырваться на свободу, – это же просто смехотворно, какая-то чушь. Он определенно сглупил – но как, как освободиться? Чем больше он рвался и бился, тем сильнее лианы обвивали и опутывали его со всех сторон. Потом они каким-то образом добрались до его волос, сбили шляпу, обмотали горло – как дорогой модный шарф, – и запах казался теперь чересчур приторным, удушливым, тошнотворным. Браун рванулся, захрипел, вызывая о помощи к людям, которых не было поблизости, к небу и самой башне, к Богу. Ничто и никто не ответил ему.

Наступила тишина. Передышка. Браун перестал бороться, поняв, что это бесполезно. В мыслях зазвучали слова хозяина трактира: «Не стоит даже глядеть на нее. И уж тем более – подходить к ней». Это означало, что никто не заходит в эти места, а если кто и окажется рядом, не станет даже смотреть в эту сторону. Не станут прислушиваться и не поспешат на подмогу, услышав, как кто-то вызывает о помощи...

Силы небесные, что же предпринять?

Браун постарался собраться с мыслями. Ситуация фантастичная, но она не может быть безвыходной. Он же взрослый мужчина, и силенкой Бог не обидел. Конечно, он же может дотянуться до карманного ножа, единственного режущего инструмента, который у него имелся, не считая зубов и ногтей, пускать в ход которые было бы все-таки неверно. А лианы держали крепко. Но выход должен быть! Нужно успокоиться и все обдумать.

В голову приходили мысли, но плана спасения не было. Вместо этого он представил, как висит здесь недели, месяцы, медленно умирая от голода и жажды или от зловонно-приторной отравы.

Это было так ужасно, и картина вдруг так ярко предстала перед глазами, что он чуть не пропустил другое, новое ощущение.

Но затем он отметил легкое подрагивание, хватка стала чуть крепче, а в следующее мгновение сильный рывок приподнял его над землей. Опутанный выющейся сетью, он, разумеется, не упал. Точнее, ему показалось, что он падает вверх...

В течение нескольких секунд Браун не мог осознать, что происходит. Но достаточно скоро все стало ясно, для сомнений не осталось места. Невозможно было игнорировать тот факт, что земля резко уходила вниз, как и склон холма, поросшая лесом долина и даже сосны, росшие ниже по склону. Старые камни слегка терлись о него, а он все скользил вверх. Небо будто расступилось, стало шире и, уставив на него безглазый, но пристальный взгляд, наблюдало, как ползучее растение, мощное, будто руки великана, без видимых усилий тащит его к вершине древней башни.

Видимо, он ненадолго потерял сознание. Вот что случилось. Он лишь смутно ощущал, как его с силой сжимали, скручивали и протискивали сквозь узкую, твердую бойницу. Особо пострадали при этом колени и плечи. Но синяки и ссадины – просто мелочи по сравнению с остальным.

Запеленутый в золотистый кокон из стеблей выюнка, кашляя и с трудом подавляя периодически возникающие рвотные позывы, Браун узловатым пушистым шаром лежал на обжигающих холодом каменных плитах пола. Он не мог двигаться, даже слегка шевельнуться – казалось, даже в ответ на произвольные спазмы пищевода сети сжимают его еще теснее, еще сильнее.

В башне было сумрачно, хотя и не царил полный мрак. Дневной свет проникал сквозь узкое окно, бездушно озаряя золотые путы Брауна. Лучи света падали там и сям на каменные

стены. Возможно, предположил он, когда-то, много веков назад в этом помещении располагался караульный пост. Но сейчас здесь ничего не было, кроме него самого и опутывающих его лиан.

Непроизвольно, почти случайно Браун дернулся, перекатился и забился в путах – точнее, попытался это проделать. Как и раньше, это не дало результата – по сути, стало даже еще хуже.

Браун заплакал было, но сумел подавить рыдания. Если он не сможет держать себя в руках, то у него ничего не останется. Совсем ничего.

Кто-то заманил его сюда. Это было очевидно. Они использовали выюнок, обработав его, по всей вероятности, каким-то непонятным способом и наделив способностью привлекать и заманивать в ловушку. А потом подняли сюда, беспомощного, как рыба на крючке. Несомненно, совсем скоро негодяй вернется – или негодяи вернутся и предъявят ему счет, возможно, потребуют выкуп. Браун громко зарычал, подумав о двух своих тетушках, небогатых старых девах, и о бестолковом дядюшке, с которым он не виделся больше четырнадцати лет. Но, может быть, найдется другой выход. А может быть, он даже сумеет убежать, когда его развяжут. Браун не мог дожидаться возвращения своего врага. Пусть только освободит его, срежет проклятые путы. Он подал голос, позвал – уверенно, подчеркнуто беззлобно, сначала по-английски, потом на местном диалекте.

Ответа не последовало. Вообще здесь не раздавалось ни звука – если не считать, конечно, редких порывов ветра за окном да шума птичьих крыльев.

Один раз ему почудилось, что он слышит, как раз-другой твякнула охотничья собака, в лесу у подножия холма, – вдруг, если позвать еще раз, его услышат?

Браун собрался с силами, лежа на холодном, жестком полу, постарался забыть о неудобной позе и ноющей боли во всем теле. Он должен сохранять терпение, выдержку и рассудок.

Спазмы почти прекратились. Приторный запах как будто немного рассеялся. Наоборот, Браун теперь чувствовал слабое, но тяжелое зловоние – так пахнет в закрытых и непрветриваемых помещениях со спертый застоявшимся воздухом, особенно если много лет назад там подохла какая-то тварь.

Он прикрыл глаза, уж слишком сильно слепил свет, а тени, по контрасту очень темные, казались полными паутины, мрачными и непроницаемыми – вот только показалось вдруг, что где-то на самой периферии зрения (когда он, насколько мог, постарался повернуть туго обмотанную голову) различимо нечто, что могло быть очень низкой дверью, вроде арки... а могло и не быть.

У Брауна остановились часы – видимо, в результате удара об оконную амбразуру. Но время продолжало идти, и день клонился к вечеру. Небо за окном башни постепенно окрашивалось в мягкие, нежно-сиреневые тона, а сбоку, видимо, с западной стороны, ползли широкие огненно-красные языки. Еще немного, и станет совсем темно. Наступит ночь.

Приходил ли кто-нибудь проверить свой капкан? Брауну казалось, что никого не было, но ведь он, кажется, проваливался в тяжелую дремоту или какую-то разновидность транса.

Тошнота и удушье прошли, но теперь он совсем не смог бы шевельнуться или забиться, даже если бы обвившие его путы позволяли это сделать. Как странно, размышлял Браун (погруженный в странное состояние, не вполне отчетливое ему, почти наркотически убаюкивающее), как странно, это же паутина. Разве не похож этот выюнок на паутину? Привлекательную и по-своему прекрасную, но клейкую, коварную западню, средство захвата. И хранения.

Не позвать ли еще раз на помощь? Если кто-то вошел в башню и остается внизу, они обязательно поднимутся взглянуть на него. Начнутся угрозы, возможно и насилие, но если они надеются получить выкуп, то, по крайней мере, постараются сохранить ему жизнь – такая надежда у него есть. Только бы суметь заговорить с ними, он бы не поскупился на обещания – пусть лживые и невероятные – лишь бы заинтересовать. Он еще не сдался! Браун крикнул, как мог громко и в то же время сдержанно. Подождал с минуту и крикнул снова.

И – да. До него донесся, наконец, слабый, но различимый звук, движение откуда-то снизу и сзади. Если бы он только мог повернуть голову. Браун изловчился было, но шею болезненно дернули и скрутили. Он испустил крик боли, протеста и разочарования.

Но движение, звук повторились, потом еще и еще раз. Шаги, подумал он, мягкие, тихие, какие-то шаркающие шаги. То ли старик, то ли кто-то, неуверенно стоявший на ногах, карабкался, поднимался к нему.

Слава Богу, подумал Браун. Слава Богу.

– Добрый вечер, – произнес Браун учтиво, но хладнокровно, тоном вполне достойным, счел он, для того, чтобы приветствовать своего безжалостного захватчика. Прошло много времени, пока шаги добрались до него, и, пока они слышались, Браун покричал еще раз, но теперь, подав голос, он замер, трепеща каждой жилкой, каждым нервом, в ожидании ответа – любого.

Не имея возможности повернуться и посмотреть, Браун мысленно рисовал бесчисленные портреты человека, поймавшего его, сделавшего своим пленником. Бандит, а может быть, просто деревенский житель, втянутый в преступление, или эксцентричный землевладелец, запущенный ребенок или подросток – при этом, конечно, инвалид, судя по тому, как он еле волочит ноги, – и тем не менее, очевидно, опасный и, предположительно, слабоумный. Нужно действовать очень осторожно. Между тем, фантазируя таким образом и все это обдумывая, он чувствовал за спиной чье-то присутствие – тот, кто там был, теперь не двигался, вероятно, пытался отдышаться после подъема, хотя ни тяжелого дыхания, ни усталого оханья слышно не было.

Может быть, его беспокоила старая рана, нечто привычное, к чему он давно приспособился. И теперь стоял у входа в комнату, внутренне ликуя и восхищаясь. Или... что-то другое? Грабитель, сожалеющий о содеянном или обеспокоенный тем, что жертва под путами выглядит совсем не такой уж слабой или неспособный на...

– Что вы сказали? – спросил Браун. Реплика прозвучала слишком торопливо, и его голос выдавал испуг. – Я не расслышал, – добавил он более уверенно (даже слишком, по-учительски, подумал он).

Но пришедший, по крайней мере, издал звук, очень тихий. Не слово, нет, это был не разговор. Что-то на манер шелестящего, присвистывающего шепота.

– Вот что, – начал Браун, – скажите мне лучше прямо...

У него хватило времени только на эти слова, прежде чем пришедший резко двинулся вперед, оказавшись напротив и ближе, и совсем рядом с ним.

Еще раньше, стоя снаружи, у подножия башни, он мельком заметил высоко вверху что-то сияющее и белое – теперь ему показалось, что это маска, бледная, как мрамор, но блестящая и лоснящаяся от маслянистой жидкости, которую сама же и источала. И эта маска не имела ничего общего с человеческим лицом.

Она была вытянутой, длиннорылой и как бы слепой (но при этом существо могло видеть), из нее торчали громадные иглы, длинные и тонкие – вероятно, зубы. Крупное, тяжелое туловище, вытянутое горизонтально, явно было из плоти, но при этом жесткое и бледное, оно влажно блестело и издавало смрад. А еще... руки – много-много мертвенно-бледных рук, всего по четыре пальца на каждой, и все они шевелились, мелькали и вдруг вцепились в Брауна, принялись терзать его, сперва слишком быстро, чтобы он почувствовал боль, но потом боль пришла, она накатывала долгими волнами, и он закричал и забился в крепко опутавших его золотистых сетях, походивших на волосы, да только они не поддались, не отпустили его и не порвались, это Брауну предстояло сдаться и быть растерзанным, и он сдался и был растерзан, и крик его перешел в тупой и бессмысленный стон, а потом и это прекратилось, когда существо, которое взрастила ведьма при помощи травы-рапунцеля, преступления и тьмы, всеми своими ядовитыми клыками и тридцатью двумя когтями неторопливо принялось пожирать свой ужин. Как уже делало прежде столько раз, что невозможно и сосчитать.

* * *

Танита Ли родилась в северном Лондоне. Она страдала дислексией и поэтому начала учиться читать только в восемь лет, учил ее собственный отец. Так для нее открылся мир книг, а позже она и сама начала писать рассказы. Она сменила несколько профессий, была продавцом в магазине, официанткой, библиотекарем и клерком, пока в издательстве Дональда А. Уолл-хейма *DAW Books* не был выпущен ее роман «Восставшая из пепла» (*The Birthgrave*). Впоследствии были изданы еще двадцать шесть ее романов и сборников. В целом с тех пор она написала около девяноста книг, в том числе более 300 маленьких рассказов. Четыре радиоспектакля по ее произведениям транслировались на BBC, ею написаны сценарии для двух серий культового телесериала «Семерка Блейка». В 1992 году она вышла замуж за писателя, художника и фотографа Йона Кейна, с которым встречалась с 1987 года. Они живут в Суссекс-Уилде недалеко от моря, в доме, полном книг и растений, с двумя черными с белым кошками, которых считают своими хозяевами.

Заячья невеста

Жила однажды женщина со своей дочерью, жили они в красивом саду, были там и грядки с капустой. Как-то стал наведываться на грядки зайчик, и за зиму поел он всю капусту. Мать говорит тогда дочери:

– Сходи-ка на огород да прогони зайца.

Пошла девушка и говорит зайчику:

– Кыш, кыш, заяка, ступай-ка прочь отсюда, пока не поел у нас всю капусту!

А зайчик и отвечает:

– Подойди, девица, присядь на мой заячий хвостик, поедem со мной в мою заячью избушку.

Девушка отказалась.

На другой день пришел зайчик снова и давай есть капусту. Говорит мать дочери:

– Сходи на огород, прогони зайца.

Девушка говорит зайчику:

– Кыш, кыш, заяка, не ешь нашу капусту!

А зайчик ей:

– Иди сюда, девица, присядь на мой заячий хвостик, поедem со мной в заячью избушку.

Снова девушка отказалась.

Пришел зайчик и на третий день и давай есть капусту. Увидала это мать и говорит дочери:

– Сходи на огород, прогони зайчика.

Девушка говорит:

– Кыш, кыш, заяка, не ешь нашу капусту!

А зайчик ей:

– Иди сюда, девица, присядь на мой заячий хвостик, поедem со мной в заячью избушку.

Села девушка на заячий хвостик, и увез ее зайчик далеко-далеко в свою избушку, да и говорит девушке:

– Приготовь угощение из капустных листьев и проса, а я созову гостей на нашу свадьбу.

Вот собрались все гости свадебные.

Что же это были за гости? Расскажу вам о них так, как сказывали мне самому: это все были зайцы, за священника – ворон, чтобы повенчать молодых, а за дьячка – лисичка, а алтарь был под самой радугой.

Но девушке грустно стало, оттого что была она одна-одинешенька.

Вот приходит зайчик и говорит:

– Отворяй-ка двери! Отворяй двери! Гостям на свадьбе весело!

Ничего не отвечает невеста, только плачет.

Ушел зайчик восвояси.

Вот он приходит снова и говорит:

– Отворяй же! Отворяй! Гостям на свадьбе голодно!

Молчит невеста, только плачет.

Зайчик опять ушел.

Снова приходит зайчик и говорит:

– Отворяй же! Отворяй! Гостям на свадьбе скучно!

Молчит невеста, зайчик опять ушел. А девушка сделала соломенную куклу, одела ее в свое платье, сунула в руку черпак и прислонила к чану с просом, а сама пошла домой к матери.

Вот приходит опять зайчик и говорит:

– Отворяй же! Отворяй! – отворил дверь, да и ударил соломенную куклу по голове так сильно, что у нее чепец с головы свалился.

Увидал тут зайчик, что это вовсе не его невеста, да и ушел, пригорюнившись.

Гарт Никс

По ту сторону черты

Отряд был невелик, всего шестеро мужчин, немолодых и усталых, да и сам шериф Бьюкон, в свои без малого шестьдесят, давно уж не мог проехать верхом больше пары миль. Отряд и вовсе не собрался бы, если бы Роуз Джексон буквально не повытягивала их из бара – кого за воротник, кого за жилетную пуговицу – оторвав от уютной партии в покер, в четверг вечером. Женщина кричала и стыдила, пока они не оседлали своих лошадей, как это сделал получасом раньше шериф, которого Роуз извлекла из единственной на весь город тюремной камеры, где он только-только прикрыл глаза и собрался вздремнуть, всего же на минутку! Очень трудно противиться Роуз Джексон, когда она вершит правое дело, а особенно в тот день, уж очень веская причина имела у нее. Ее единственную дочку, Лару Мэй, похитил проходимец, авантюрист, человек с необычной круглой головой и разными глазами, насчет которых те, кто его видел, никак не могли прийти к единому мнению: одни утверждали, что они у него карий и голубой, другие – что зеленый и черный. Он приехал с Востока, что само по себе было неплохо, и расплатился за ужин, ром и комнату золотой пятидолларовой монетой – что было еще лучше. Рассказал, что зовут его Альгамбра, для друзей Джейден, и что он намерен приобрести недвижимость и желал бы взглянуть на два ранчо, выставленных на продажу, – «Дабл-Дабл-Ю» и «Звездный круг». Первое продавали из-за бедственного его состояния и полной невозможности выколотить из него хоть что-то, кроме пыли, а второе – потому что Широкий Билл Джексон умер за четыре года до того, а его вдова Роуз собиралась увезти их дочку на восток в большой город, то ли показать ее доктору (потому что Лара Мэй росла не так чтобы очень сметливой), то ли подыскать ей муженька получше, ведь девчонка входила в возраст и хорошела день от дня. Хотя ростом Лара Мэй не вышла и в плечах была шире, чем полагалось бы красоте, зато пела она так, что все, кто не глух, поддавались ее чарам. Когда Альгамбра приехал посмотреть «Звездный круг», о покупке он и речи не повел. Услышал, как пела Лара Мэй, прокручивая простыни через валики для выжимания, пела и вращала большое железное колесо руками, голыми по локоть и мокрыми от мыльной воды, и даже птицы слетались со всей округи ее послушать – и садились прямо на веревку, где хлопали на ветру мокрые выстиранные ночные сорочки Лары Мэй и ее матери. Альгамбра просто подсказал, схватил девушку и кинул поперек седельной луки – так часто описывают похищения в сказках, но проделать это чертовски трудно, почти никогда похищение не обходится без того, чтобы не оборвалась подпруга или от рывка не пронзило острой болью плечо. Однако в этот раз ничего такого не случилось, Альгамбра выехал на дорогу вместе с Ларой Мэй и почти уже скрылся из виду, когда Роуз выбежала из кухни со своим карабином Шарпса калибра 0,50–70. Она стреляла из него без промаха, если цель была достаточно близко и это не было слишком рискованно, но Альгамбра ускакал уже довольно далеко, к тому же велика была опасность задеть девушку или коня, который к тому же мог поранить ее, падая. Так что Альгамбра ушел, а Роуз потеряла не меньше часа, пока собрала отряд, уж какой смогла, так что след был не раскаленный добела и даже не докрасна, а скорее походил на пепел, который, впрочем, может обжечь сильнее, чем вы думаете. След был еще достаточно теплым, чтобы пойти по нему, даже для старого Бьюкона – а у него имелся опыт, хотя глаза и начали сдавать, из-за чего ему приходилось несколько раз спешиваться, приседать на четвереньки, изучая еле видный, полустертый отпечаток подкованного копыта на засохшей грязи или наклон сломанного стебля кустарника, чтобы потом медленно выпрямиться, вскарабкаться в седло, указать пальцем и возгласить: «Туда», за чем через несколько секунд обычно следовало: «Сдается мне».

Преследование продолжалось больше трех часов, пока, по крайней мере Бьюкону и, возможно, еще паре человек, не стало понятно, что Альгамбра устремился не в какое-то обычное место – не назад к главной дороге, какой бы она ни была, ни вверх в горы, к тропе для мулов, ни вниз к Бутылочному Каньону, от которого разбегалось множество более мелких каньонов, ущелий, теснин, лощин, распадков, где обычно искали прибежище угонщики скота и мелкие воришки.

– Он направляется к пустыне, хотя это лишено смысла, – объявил Бьюкон, когда отряд сделал остановку на последнем холме перед той самой пустыней. Он осмотрелся – сверху открывался обзор мили на четыре – и заметил пятнышко, на самом деле бывшее конем с двумя седоками. За ними по пятам тянулся большой пыльный шлейф, а перед ними на западе не было ничего, кроме красной каменистой равнины и белых зыбучих песков.

– Это лишено всякого смысла, если только не...

Голос шерифа затих, он устало поморгал, потом вытер глаза изнаночной стороной шейного платка – она была не такой пыльной. Остальные мужчины тоже всматривались и мигали, и прикрывали глаза козырьками ладоней, а кони опустили головы, переводя дух. Роуз высоко привстала в стремях, не отводя яростного взгляда от пыльного шлейфа, а тот уменьшался, пыль оседала и тускнела.

– Мерзавец остановился, – проговорила она голосом, не обещавшим ничего хорошего, так что все мужчины невольно поежились, как будто от прикосновения чего-то холодного и крайне неприятного к самым интимным частям тела. – Теперь мы его достанем.

Бьюкон снова промокнул глаза и уставился Роуз куда-то в область живота, не желая ни встретиться с ней взглядом, ни нарваться на неприятности, взглянув на расстегнутый ворот рубашки. Говоря по чести, он вообще охотно перевел бы взгляд на конскую голову, лишь бы выйти из затруднения, да только это все одно не помогло бы.

– Нам его не достать, – медленно произнес он. – Он пересек черту, прошел.

– Прошел? Куда прошел? – переспросила Роуз отрывисто и резко, будто выстрелила, и Бьюкон даже дернулся, точно пуля просвистела у него над ухом, так близко, что ему послышалось погребальное пение ангелов.

– Ты знаешь, – ответил он. – Ты знаешь. Туда. Она ушла, Роуз.

– Там же нету ворот, – возразила Роуз, но ее голос, обычно уверенный и резкий, вдруг прозвучал тихо и растерянно. – Никогда не слыхивала о воротах в той стороне.

– Говорят, они могут создавать ворота, когда им нужно, – сказал Бьюкон. – И их куда больше, чем мы видим, это уж точно. Давайте-ка поворачивать. Лучше нам добраться до поселка засветло. Мне правда очень жаль, Роуз.

Мужчины заквакали нестройным хором, гортанными и хрипылыми от пыли голосами они с облегчением повторяли слова шерифа, проезжая мимо нее: – Жаль. Жаль. Жаль. Жаль. Жаль...

– Я еду за ней, – оборвала их Роуз.

Она развернула лошадь и оказалась перед отрядом, крепкая женщина под сорок, недурной наружности, не говоря уж о характере, с волосами, некогда льняными, а сейчас цвета тусклого золота, убранными под испанское сомбреро, цвет которого под слоем пыли был, вероятно, черным. Ворот ее рубашки из грубого полотна, некогда белой, был небрежно расстегнут, на шее висел красный с белым платок, который она стянула с лица, заговорив. Юбка для верховой езды из мягкой телячьей кожи, с разрезами, на светлой шелковой подкладке была на Роуз, из-под юбки виднелись мужские сапоги и стремяна. Кроме карабина Шарпса, притороченного к седлу, на правом бедре у нее был мужнин кольт «Фронттиер» 40-го калибра, на пояском ремне висел нож, а кроме того, имелись глаза и руки, чтобы пользоваться всем этим оружием, – и какое же горькое разочарование ждало в прежние годы тех, кто считал Широкого Билла, плечистого и длиннорукого, как горилла, более опасным из них двоих.

– Я не настаиваю, чтобы кто-то из вас ехал со мной... черт... я знаю, что это безумие, – продолжала Роуз. – Но там же моя дочка!

– Мехи с водой полны? – спросил Бьюкон. – Еды припасла? Ничего тамошнего пить и есть нельзя, только свое, а иначе никогда не вернешься назад.

– У меня в седельном выюке солонина, а мехи полны воды, – сказала Роуз. – Я как раз собиралась прогуляться нынче утром до Перечного Дерева, поглядеть, как там Калев с ребятами управляют с моим стадом. Скоро пора перегонять его. Вот если бы ты сказал Калебу, пусть потихоньку начинают двигаться в сторону Скважины.

– Я им скажу, – ответил Бьюкон, – Роуз...

Он помедлил, поигрывая зачехленным ножичком, который носил на шее на кожаном шнурке: маленький был ножичек, этакая игрушка с ручкой из слоновой кости, больше похожий на нож для разрезания бумаг, чем на серьезное оружие – он казался не совсем подходящим для шерифа. Люди и прежде обращали на него внимание, а один особенно часто проходил на этот счет, выбирая при этом неверный тон, пока бритвенно-острое лезвие не рассекло ему тыльную сторону ладони, заставив вспомнить о хороших манерах и тому подобном.

– Что? – поторопила Роуз. – Если хочешь что-то сказать, Бьюкон, говори. Мне некогда.

Шериф пожевал ус, обнажив желтоватые зубы, посмотрел вдаль, а потом через голову снял ножик и бросил Роуз. Она поймала его за кожаный шнурок и осмотрела озадаченно.

– Нож у меня и свой есть, – усмехнулась она. – На что мне эта бритва для подравнивания усов?

– Этот нож тебе пригодится. – Бьюкон оглянулся на остальных мужчин, смотревших на него с удивлением. Это было даже почище похищения Лары Мэй, потому что не гнало их навстречу мраку и опасности, а уж судачить об этом можно было месяцами, а то и годами. – Бывал я там, – сказал шериф совсем тихо, так что все вытянулись в седлах, и даже лошади притихли, будто поняв, что речь пойдет о важном. – Бывал я там, давно, когда был помоложе и... не в ладах с законом. Я тогда оказался в скверной компании и вот, одно, другое, – словом, нам пришлось пересечь черту. За пару дней в живых остался только я один, смерть нас так и косила, быстрая, неотвратимая, со всех сторон – существа, каких я больше нигде не видывал и надеюсь никогда не увидеть... Чего там только не было, сама земля была против нас. Я уже простился с жизнью, но встретил одного человека, и он мне помог тогда в беде. Спас он меня и наставил на правильный путь. Он-то и дал мне этот нож и сказал, что коли придется снова там очутиться – если уж никак, просто никак не выйдет этого избежать, – чтобы я уколол этим ножиком первое же дерево, какое увижу. Чтоб заговорил с ним сначала, а потом уколол аккуратно, бережно, как будто собираясь срезать кору, и тут же отдернул бы руку, потому что деревья там – не всегда деревья. Потом надо оставить ножик в коре и сказать пару слов насчет того, что нужна, мол, помощь. Так что бери его, Роуз, и сделай все так, как сказано, и – как знать – может, он придет.

– О чем мы говорим, тому уж лет сорок, если не больше, – пожала плечами Роуз. – И чем мне поможет тыканье ножом в дерево?

– Там все не так, как здесь, Роуз, – сказал Бьюкон. – И время тоже другое. Обещай, что сделаешь, как я сказал, и воспользуешься ножом.

Роуз сдвинула шляпу назад и надела шнурок на шею, так что ножик оказался у нее на животе, пониже груди. Бьюкон отвернулся и прочистил горло.

– Я сделаю, как ты сказал, – сказала Роуз. – Увидимся, мальчики. Когда я вернусь с Ларой Мэй.

С этими словами она сжала колени и пришпорила своего коня по имени Дарси, которого так неудачно охолостили, что оставили одно яичко, и он вел себя настоящим жеребцом. Окрестили его в честь коновала, который улепетывал от Роуз во все лопатки, опасаясь лишиться собственного мужского достоинства, когда обнаружилось, что он напортачил спяну, испортив с полдюжины ее коней. Остальных животных потом охолостили как положено, но ретивый нрав Дарси пришелся Роуз по душе, и его оставили таким как есть, и не жеребцом, и не меринком.

– Удачи тебе, Роуз, – пожелал Бьюкон. Он снял шляпу и махал ей вслед, остальной отряд последовал его примеру, но без возгласов и свиста. Всем казалось, что они расстаются навсегда, и было не до веселья.

Роуз скакала в сторону пустыни, и менялась земля под копытами у Дарси, красные камни заносило белым песком пустыни, даже низкорослые соляные кусты ослабили свою скучную хватку, потому что не было в округе ничего, кроме песка да редких валунов – они выныривали там и сям, как пловцы, что борются с волнами в суровом море, но рано или поздно обречены утонуть.

Она долго неслась во весь опор, пока перед ней не оказались ворота. Роуз их сразу узнала, хотя ни разу ей не доводилось их видывать, а те, кто видел, предпочитали помалкивать. Просто ничем другим это быть не могло: траншея в песке двадцати ярдов длиной, уходящая вниз на двадцать футов, с ровными стенками без всяких опор, а в самом конце – сводчатый проход, не песок, а что-то мерцающее, с непостоянным узором, как если смотреть на пламя свечи через грубо обработанный опал, когда камень, свет и цвет переливаются и поминутно меняются.

Седло и уздечка лежали у входа на скат, а еще, к изумлению Роуз, конский скелет. Свежее мясо было подчистую срезано с костей, словно какой-то огромный и прожорливый зверь обглодал их. Поодаль валялась пара седельных выюков, а их содержимое было разбросано, как если бы хозяин второпях искал нужные ему вещи. Внимание Роуз привлекли свертки с едой, бутылки воды, коробки с патронами, был даже холщовый мешочек вроде тех, в которых старатели возят золото. Винтовка, которую она видела на боку у Альгамбры, тоже была небрежно брошена наземь, словно по ту сторону ворот не могла ему пригодиться.

Может, так оно и есть, подумала Роуз, но с доверием положила руку на «птичью головку» – потертую, отполированную ручку своего кольта, силу которого хорошо знала. Больше, чем прочий брошенный скarb, ее беспокоил лошадиный остов, уж очень свежим был скелет, явно принадлежавший лошадке круглоголового. Кто же с ней такое сотворил, как и зачем?

Она пустила было Дарси вниз по траншее, но он заартачился, не помогли ни шенкеля, ни даже шпоры. Упрямо нагнув голову, он заводил глаза, показывая белки, но не издал ни единого протестующего звука – видно, ужас был так велик, что животное онемело. Роуз подала немного назад, и ей пришлось держать коня изо всех сил, чтобы не бросился обратно. Наконец, Дарси подчинился, но женщина поняла – ей не заставить его пройти в ворота. Спешившись, она расседлала его, сняла уздечку и мундштук, аккуратно сложила все это на земле, в стороне от траншеи.

– Ступай домой, – сказала она Дарси и шлепнула рукой по крупу. Он резко взял с места и стрелой понесся назад, к горному кряжу. Роуз не знала, доберется ли он до дому, до самого

ранчо, но, если догонит отряд, хотя бы вернется в поселок. Бьюкон за ним присмотрит какое-то время, пока ее нет...

Без конского топота и дыхания наступила тишина, воздух был неподвижен. А здесь холодней, чем должно бы, подумала Роуз, поеживаясь. У траншеи пустынная жара не ощущалась, хотя тени не было совсем. Женщина вспомнила о дочке. Сделала скатку из одеяла, завернув туда жестянку патронов, солонину и хлеб, и вскинула на плечо вместе с мехами воды. Обеими руками сжимая карабин, она зашагала вниз по траншее, к воротам с их круговертью цветных узоров – и без колебаний прошла сквозь них, исчезнув из обычного мира, словно ее тут никогда и не было.

Роуз оказалась на лесной поляне, на пологом склоне, поросшем высокими деревьями. Солнце пробивалось сквозь хвоистые ветви и грело совсем не так жарко, как должно бы греть на ранчо «Звездный круг» и миль на пятьсот в округе. Неудивительно, если бы оказалось, что чуть выше лежит снег, решила Роуз, начиная дрожать. Еще сильнее женщина вздрогнула, когда медленно обернулась. Она крепко сжимала обеими руками карабин, держа палец на спусковом крючке, и с трудом заставила себя не нажать на него. Ворот за спиной не было, пропали переливы цвета – ничего, кроме горного склона, сплошь покрытого соснами и усыпанного шишками и хвоей.

Пытаясь найти какие-то следы, Роуз присела. Когда она наклонилась, всматриваясь в лесную подстилку, ножик качнулся у нее на шее, как будто хотел напомнить ей о наставлениях Бьюкона.

– Я же ничего не теряю, так почему бы и нет, – прошептала Роуз под нос, не желая признаваться самой себе, что ее пугает это странное место. Даже деревья выглядели необычно, вроде бы и сосны, но не совсем такие, как ей доводилось видеть. Из шишек, если присмотреться, торчали шипы, а жесткие зеленые хвоинки на упавших ветках закручивались тугими тонкими пружинами.

Роуз сняла с шеи шнурок с ножом и обратилась к ближайшему дереву, смущаясь, но не настолько, как там, по другую сторону. Она надеялась, что никто и ничто за ней не подсматривает, но вовсе не от страха оконфузиться. Ею владел самый обыкновенный страх, простой, чистый и сильный.

– Ты уж извини, дерево, – сказала она. – Мне вот нужно воткнуть в тебя этот ножик, совсем чуточку, только чтобы выйти на связь.

Продолжая говорить, она вонзила нож, и кончик лезвия прорезал грубую кору. Брызнул сок, янтарный, со смолистым духом, опять же не совсем похожим на привычный сосновый запах.

Выпрямившись, Роуз обратилась к ножу: «Мне нужна помощь, прямо сейчас, вот я и надеюсь, что тот, кто дал старику Бьюкону этот ножик, кем бы он ни был, сумеет прийти и помочь мне и дочке моей. Спасибо вам, сэр».

Ничего не произошло, только поднялся ветер, зашумел в верхушках деревьев, и наземь упали еще несколько шипастых шишек, одна чуть не ударила Роуз по голове. Не обращая внимания на бурелом под ногами, она продолжала осматриваться, пытаясь обнаружить следы Альгамбры и Лары Мэй. Когда она их нашла, на глаза навернулись слезинки (которые она поспешно сморгнула), потому что следы сапог и отпечатки туфелек тянулись рядом, а это означало, что Лара Мэй шла с ним охотно, во всяком случае, по своей воле, а этого-то Роуз всегда и боялась. Лара Мэй была хорошей девочкой, но слегка, как бы это сказать, рассеянной, и могла пойти за каждым, кто позовет. Обычно ее звала Роуз, и все шло отлично, но сейчас девочку увел мошенник сомнительных моральных качеств, а учитывая то, куда они ушли, непонятно было, человек ли он вообще. Этот случай был совсем другим, зловещим и жутким. Единственное, что успокаивало и хоть немного, но утешало Роуз, была уверенность, что Лара Мэй, скорее всего, даже не напугалась, думая, что ее повезли на пикник или увеселительную прогулку. Она

пошла по следам, хотя и с трудом, уж очень много было под ногами шишек и веток, а земля под ними оказалась сырой и скользкой. Не слякоть, конечно, просто примета того, что недавно прошел дождь, да только, поднимая голову и рассматривая небо сквозь густой полог сосновых ветвей, Роуз не видела ни облачка. Карабкаясь по склону, она согрелась, но знала, что это лишь на время и позднее она окоченеет. По ее расчетам, было не меньше четырех пополудни, всего несколько часов до захода солнца, а когда стемнеет, станет совсем холодно.

Пройдя милю и одолев подъем в несколько сот футов от того места, где она прошла через ворота, Роуз, продолжая идти по следам сапог и туфелек, сообразила, что теперь слышит что-то еще, кроме собственных шагов, своего пыхтения (уже похолодало, и изо рта у нее шел пар) и биения своего сердца. Появился еще звук, не такой заметный, неприятный звук, словно кто-то – или что-то – крался за ней по пятам...

Роуз развернулась, держа наготове карабин, и смогла выстрелить один раз, прежде чем тварь бросилась на нее, такая стремительная и странная, что Роуз не успела ни рассмотреть ее толком, ни понять, что перед ней мелькнуло – что-то косматое, клыкастое и вдвое побольше любого пса, но на собаку вообще непохожее, слишком уж длинное туловище, кривые лапы слишком короткие, а морда широченная, с торчащими во все стороны зубами, – и Роуз уже нажимала на спуск, чтобы пальнуть в это рыло, когда тварь кинулась снова, и пришлось садануть карабином по кривой морде, чтобы отбить атаку. Удар отбросил тварь назад, она вцепилась в оружие, грызла его, перемалывала зубами, и Роуз поняла, что первый ее выстрел попал в цель, да только твари это нипочем, и тогда она занесла ногу и лягнула тварь в брюхо, выкрикивая такие слова, за которые ее исключили бы из Клуба Матерей (если б, конечно, ее сначала туда приняли), только и этот удар не подействовал на мерзкую скотину: выплюнув карабин, зверь поднял отвратительную башку и издал такой рев, что у Роуз с головы слетела щляпа. Это было ошибкой неведомой твари, потому что в этот миг Роуз выпустила из рук карабин, схватила большой нож, тот, что достался ей от Широкого Билла, и воткнула его по самую рукоятку в мягкую и не такую волосатую плоть пониже громадной челюсти – там, решила она, у твари должно быть горло, – дважды провернула и выдернула.

Черная, дымящаяся, зловонная кровь извергалась такой мощной струей, будто сорвало вентиль, Роуз еле успела от нее увернуться, оступилась и наткнулась на ствол одной из сосен, густо покрытый крохотными шипами, такими же, как на шишках. Тварь – волк-куница-широкот – как ни назови, завертелась, будто кошка, когда пристраивается на место, а потом рухнула замертво, кровь из-под головы продолжала литься и стекала по склону гадостным ручейком.

– Что за мастерское владение ножом, просто грандиозно, – донесся восхищенный мужской голос откуда-то чуть выше по склону.

Роуз резко развернулась. Все еще сжимая нож, она потянулась к кобуре на правом бедре и левой выхватила кольт – этому приему ее обучил приятель покойного мужа, меткий стрелок по имени Левша Трасс, который носил пушку справа, а вытаскивал левой, а мог и наоборот, чтобы сбивать с толку и страшить противников, но впоследствии решил, что это выходит медленнее и не так действенно, и что лучше – враг хорошего.

Говоривший вышел на открытое место с поднятыми руками и стоял неподвижно, а Роуз держала его на мушке. На груди его желтоватой крутки блеснул металл, звезда, заключенная в круг, с буквами по краю, разбирать которые Роуз не было нужды, потому что она сразу поняла, что это за знак, и знала, что надпись гласит «Маршал США»⁴.

Роуз опустила кольт, не до конца, так чтобы ствол не смотрел в землю, ведь никогда не знаешь наверняка, металлический знак можно снять с одного, а потом надеть на другого,

⁴ Служба федеральных маршалов – старейшее подразделение министерства юстиции США, федеральное правоохранительное агентство США, созданное в 1789 году.

особенно если законный владелец мертв. К тому же они переступили черту и находились по другую сторону ворот, за границей, – словом, осторожность не повредит.

Минуту-другую они присматривались друг к другу. Роуз видела перед собой очень высокого, худого, пригожего мужчину лет пятидесяти, а то и постарше, с множеством мелких морщинок вокруг глаз, глядевших на нее из-под светлой широкополой шляпы. Несколько дней назад он брился, но отросшая с тех пор на подбородке щетина была совсем белой, а под шляпой пряталось не так уж много волос. Одет он был по погоде: куртка на подкладке с начесом казалась теплой, но была распахнута, приоткрывая кожаный жилет, ремень с большой серебряной пряжкой, широкий патронташ, из которого высовывались необычные патроны с серебристыми кончиками, а еще револьверы на обоих боках – постарее, чем у самой Роуз (ремингтоны, подумала она, любимое оружие ее отца).

– Меня зовут Торнтон, – сказал человек, – Ох и здорово вы его, мэм, думаю, пуле бы так быстро не справиться.

– Что это было такое? – спросила Роуз, но не отводила глаз и не выпускала кольца. Человек ей нравился, он казался надежным и правильным, но...

– Вряд ли он и сам это знал, – ответил Торнтон, – Я называю подобных уродцев скарумы. Особо они не докучают, но их не взять простой сталью или свинцом. Им нужна серебряная смерть, как многим здешним тварям, да и кое-кому из людей.

– Серебряная смерть? – переспросила Роуз, и на сей раз она перевела взгляд на кольцо и тут же сообразила, что допустила ошибку, а в следующий миг вздохнула с облегчением, убедившись, что Торнтон стоит не шевелясь и миролюбиво улыбается, а искорки в его глазах подсказали Роуз, что морщины у него на лице не только от солнца, что этот человек умеет шутить и понимает шутки.

– Лезвие у вашего ножа посеребренное, – сказал Торнтон, – Кстати о ножах, если бы вы позволили мне кое-что достать из кармана...

– Валяйте, – сказала Роуз.

Торнтон полез под куртку и извлек тот самый ножичек, который дал ей Бьюкон. Держа его перед собой, он заговорил:

– Я дал его одному парню много лет назад, велел им воспользоваться, если придется пройти этим путем и если будет нужна помощь. Видно, он передал его кое-кому, потому как нынче утром я расслышал в шуме крон голос женщины. Вот я и хотел спросить у вас – первой дамы, которую вижу в этих краях за последнее время, – не вы ли воспользовались ножом, обратившись за содействием к законному представителю власти по эту сторону границы, то есть ко мне.

– Да, – ответила Роуз. Женщина позволила себе слегка расслабиться, и оторопь от нападения тут же дала себя знать: она задрожала, как от озноба, почувствовала тяжесть оружия, которое сжимала в руке. – Шериф Бьюкон дал мне этот нож, и я им воспользовалась. Он не объяснял мне, как и что, но не предупредил о приходе маршала.

– Шериф Бьюкон? – воскликнул Торнтон. – Каково! Ох, я совсем не был уверен, какую дорогу выберет этот парнишка. Ну что ж, как я уже сказал, я являюсь полноправным представителем законной власти в этом краю, и маршалом, и смотрителем границы, с обеих сторон, с какой ни посмотри, – и потому, прежде чем оказать вам помощь, я обязан убедиться, что у вас нет никаких недобрых намерений. Зачем вы явились сюда через пустынные врата?

– Я пришла за Ларой Мэй, своей дочкой, – возмутилась Роуз, – которую умыкнул, украл прямо с моего ранчо человек по имени Альгамбра, он проскочил напрямик в эти ворота, и что бы сделала, по-вашему, любая мать, как не побежала следом?

– Альгамбра? – спросил Торнтон. – Станный такой человечек с круглой головой?

– Ага, – кивнула Роуз. – Ну а теперь хватит объяснений, потому что мне надо спешить за ними следом, пока с моей Ларой Мэй не случилось чего, и нет у меня времени тут с вами рассусоливать!

– Справедливо, – заметил Торнтон. – Лучше нам немедленно отправляться за ним вдогонку. Альгамбра – Резчик, и, если в его распоряжении сейчас достаточно мяса, будет работать до самого заката. Кстати, я не расслышал вашего имени, мэм, когда мы познакомились.

– Роуз Джексон. Что еще за Резчик? И что там насчет мяса? Он там бросил свою лошадь, по ту сторону ворот... скелет, с которого срезано все мясо до костей...

Торнтон мелодично присвистнул, и Роуз поняла, что за все время, как прошла за ворота, не слышала птичьих голосов. Ни единого писка, и не видела ни одной птицы, и от того место казалось еще более неестественным, хотя куда уж больше.

– Скверно, миссис Джексон. – Торнтон повернулся, сделал несколько больших шагов вверх по склону и, оглянувшись, махнул ей, приглашая следовать за собой. За спиной на перевязи у него висел длинный нож, почти меч, с лезвием шире, чем у кавалеристской сабли, с которой Роуз любила поупражняться время от времени. – Очень скверно. Я догадываюсь, куда он направляется, но мы обязательно должны настичь его до захода солнца. Надо спешить!

Роуз сунула кольт в кобуру, проворно нагнувшись, с двух сторон отерла нож о траву с широкими листьями, поскорее сунула его в чехол и стала карабкаться по склону. Карабин она оставила, удостоверившись, что здесь от него мало проку.

Маршала она нагнала через десяток ярдов, он ломился через заросли, даже не стараясь соблюдать тишину, – верный знак того, что им и впрямь нужно было торопиться.

– Что такое Резчик? – запыхавшись, спросила Роуз, перепрыгивая слякотную прогалину, оставленную тяжелым сапогом Торнтона.

– Наверное, чтобы вам было понятнее, можно сказать, что это демон, злой дух, – отвечал Торнтон, кривя рот на ее сторону и смотря прямо перед собой ясными голубыми глазами, да время от времени поглядывая по сторонам в поисках прохода между деревьев. – Это не люди, и своих тел у них нет вовсе, так что время от времени им приходится их делать. Они собирают побольше мяса и из него вырезают себе тело. Только получается у них не ахти, потому много мяса уходит впустую, вот из-за этого он и обкромсал целую лошадь... а еще им нужен кто-то, кто послужил бы моделью или натурщицей, чтобы получилось хоть немного похоже.

– Натурщица? Моя Лара Мэй? Вообще-то она коротышка.

– Зато наверняка миловидная. Им хочется, чтобы вышло получше, даже несмотря на то, что сходства толком добиться не умеют.

– Она миловидная, – угрюмо подтвердила Роуз. – Может, прибавим шагу?

– Немного можем, – согласился маршал и пошел быстрее, легко выбрасывая вперед длинные ноги, так что спустя минуту Роуз стала отставать, а Торнтон, не сказав ни слова, снова замедлил шаг.

– Что... что они делают со своими... натурщиками? – просипела Роуз, задыхаясь.

– Убивают, – сказал Торнтон. – Чтобы завершить работу. Так они надеются заполучить их таланты, хотя вряд ли из этого что-то выходит. У вашей Лары Мэй есть таланты?

– Она поет, – ответила Роуз. – Прекрасней, чем вы когда-нибудь слышали. Так что птицы слетаются к ней с деревьев.

– Пением заставляет птиц слетать вниз? – Торнтон удивленно покосился на Роуз. – Как звали вашего супруга, мэм?

– Он звался Широкий Билл Джексон, упокой Господь его душу, – отозвалась Роуз. – Но Билл петь не умел ни на грош, как и я. Прямо в толк не возьму, откуда Лара Мэй набралась своей музыки.

– Широкий Билл, вот как? Если это тот парнишка, о ком я думаю, так дар к музыке имелся у его матушки, и это очень хорошо, это может пригодиться и помочь вашей дочурке,

мэм. Так что, как только вы ее увидите, сразу крикните ей, чтобы пела, сразу же так и кричите, не медлите.

– Ладно, – нахмурилась Роуз, – но я больше рассчитывала пристрелить этого Альгамбру, чем перекрикиваться с дочкой.

– Резчика чрезвычайно трудно убить, – пояснил Торнтон. – Серебряная смерть нужна для них, очень много серебра, так что поберегите свой свинец. А вот пение может оказаться очень кстати и, если, конечно, моя память меня не подводит, оно еще сослужит вашей Ларе Мэй хорошую службу. Сразу окликните ее, а я тем временем буду отвлекать Альгамбру. Думаю, нам осталось до них не больше пяти минут ходу, по всем приметам. Приготовьтесь, сейчас мы выйдем из-за деревьев, и они окажутся прямо перед нами, за большим камнем на поляне.

– Я готова, – уверила Роуз, хотя не представляла, к чему именно ей нужно быть готовой, и не могла поверить, что лес вот-вот расступится, потому что сосны росли все так же густо и были все такими же высокими, как прежде, а над головой не видно было неба, и свет солнца не мог пробиться сквозь кроны. Однако внезапно ей прямо в лицо ударили лучи солнца, не горячего, но ослепительно-яркого, и Роуз сощурилась, чтобы не закрыть глаза и не упустить свой шанс помочь дочери, и они с Торнтоном вывалились из лесу, как два сурка, выкуренных из норы. Перед ними раскинулась плоская равнина, поросшая короткой травой и редкими деревцами, а прямо перед ними высился утес величиной с барак для поденщиков на ее ранчо «Звездный круг», только стоящий на торце. Серый голый утес отбрасывал тень темную и зловещую, похожую на чей-то палец, и на самом краю этой тени, в солнечных лучах Роуз увидела Лару Мэй. Та сидела на траве и обрывала голубые цветочки, а неподалеку от нее был Альгамбра с сияющим, как зеркало, ножом. Он размахивал им вверх и вниз, влево и вправо, нанося удары по увесистому куску конского мяса, так что ошметки и кровь летели во все стороны, но ни одна капля не коснулась девушки.

– Пой, Лара Мэй, пой! – во всю глотку закричала Роуз и бросилась вперед что было сил, чуть ли не обгоняя собственный крик, а сбоку от нее раздался выстрел одного из больших ремингтонов, потому что маршал тоже бежал вперед, стреляя на ходу, взводя курок, отбросив первый револьвер, когда в нем кончились заряды, и вытягивая следующий, и Роуз видела, что серебряные пули попадают в цель, и слышала при этом странный звук, словно горячий пудинг падает в большую кастрюлю с кипящей водой, но Альгамбра не упал и даже не пошатнулся, как будто его не задело. Подняв над головой блестящий нож, он бросился к Торнтону, который тоже успел выхватить свой длинный тесак, и они сошлись в яростной схватке, а Роуз подбежала к Ларе Мэй, которая радостно улыбалась своей мамочке и любовалась представлением, которое устроили двое мужчин, но не пела. – Пой! – завизжала Роуз, добежала до дочки и вырвала у нее из рук цветы. – Запой же хоть что-нибудь, Лара Мэй!

Лара Мэй послушно открыла рот и запела. Роуз оглянулась посмотреть на Торнтон и Альгамбру, и увидела, как они наносят удары, увертываются, снова бьют, подпрыгивают и делают обманные маневры, наклоняясь то в одну, то в другую сторону. Роуз доводилось наблюдать поножовщину, но ничего подобного она не видывала никогда, отчасти потому, что до сих пор ни у одного из бойцов не показалось ни капли крови, хотя в обычном случае кто-то, а может, и оба уже должны бы валяться на земле и истекать кровью под вопли, рыдания и стенания, а сейчас единственным, что она слышала, был голос Лары Мэй, теплый, чистый и светлый, как полуденное солнце, и ничего удивительного не было в том, что даже птицы небесные слетались ее послушать.

Правда, здесь пение привлекло не птиц. Что-то появилось из-под земли, прямо у ног девушки: живое синее пламя вырвалось наружу из вспенившейся грязи, в сердцевине его просматривалась фигура, очертаниями отдаленно напоминающая человека. Лара Мэй рассмеялась и тоже превратилась в синее пламя, не переставая петь, она протянула руки, и самый краешек пламени коснулся лица Роуз, совсем не жаркое оно было, а теплое, такое теплое и доброе,

что и она невольно засмеялась, охваченная неожиданной радостью. Эта радость принесла горячие слезы, теплая волна прокатилась по всему ее телу, так что даже пальцы на ногах затрепетали радостно, будто до сих пор жили не в полную меру.

Два силуэта, окутанных пламенем, соединились, слились в объятии, голос Лары Мэй продолжал звучать, такой же высокий и чистый, и Роуз только тут заметила, что дочь поет на языке, которого ни одна из них прежде не слышала.

– Нет! – проревел Альгамбра, он забыл про схватку и бросился к сияющей паре, но маршал кинулся за ним следом, нанес удар тесаком по короткой шее, и круглая голова с треском отделилась от тела и покатилась по земле, а тело накренилось, на полном ходу врезалось в серый утес и, наконец, упало, дрыгая ногами и подергиваясь, как раздавленный клоп.

Голова все катилась прямо к Ларе Мэй, но Торнтон догнал ее и припечатал ногой, пригвоздив своей острой шпорой. Голова открывала рот, щелкала зубами, вываливала язык, но издавала только шипение. Разноцветные глаза были широко раскрыты и злобно смотрели на Роуз, не затуманенные, а живые, как раньше.

– Мне надо идти, Ма, – заговорила Лара Мэй. Ее голос звучал не так, как прежде. Живой, не сонный, как обычно, как будто она, наконец, была здесь целиком и полностью, а не отсутствовала, витая где-то, как бывало.

– Идти? Куда это? – спросила Роуз в отчаянии. Вся неожиданная радость, которую она только что чувствовала, испарилась, уступив место ужасу. Все кончится тем, что она все-таки потеряет свое дитя? Роуз прикрыла лицо ладонью и попробовала взглянуть на Лару Мэй, но девушка слишком ярко светилась, слишком близко стояла. – Я не для того сюда добралась, чтобы какой-то огненный дух уволок тебя так же, как до него пытался Альгамбра!

– Я слишком много унаследовала от папиной семьи, чтобы нормально жить на обычной стороне, – сказала Лара Мэй. – Старая кровь – больше, чем в нем – просто ждала, когда ее пробудят. Ты знала, откуда он пришел, разве не так, Ма?

– Наверное, – нехотя признала Роуз, – Мы об этом не говорили, но... я знала.

– Папа доставил бы меня сюда, за черту, если бы только мог, – сказала Лара Мэй. – Мне просто надо было войти в возраст. Альгамбра лишь ускорил события на несколько месяцев, вот и все.

– И что же теперь? – спросила Роуз, выпрямляясь, морща нос, зачесавшийся вдруг ни с того ни с сего, и моргая, чтобы избавиться от странного зуда в глазах. – Ты так и уйдешь с этим свечным огнем, и я тебя больше никогда не увижу?

Внутри пламени щелкнули пальцы, и ярко-синий огонь улегся, открыв скромного юношу, внешне очень похожего на Широкого Билла Джексона, только чуть поуже в плечах – полторы рукояти топора, а не полных две, и почти в точности такого роста, как Лара Мэй. Одет он был не так, как было принято в этих краях – в кольчугу из железных колец поверх чего-то вроде длинной ночной сорочки, а ноги были обмотаны кожаными ремнями поверх сапог, которые тоже казались железными и неприятно позвякивали.

– Счастлив познакомиться с вами, миссис Джексон, – сказал юноша, – вы можете звать меня... думаю, Роберт подойдет. Я прихожусь кем-то вроде кузена вашему супругу, я имел честь оказаться ближе других, когда раздался зов Лары Мэй. Наш род примет ее с превеликой радостью и всеми подобающими почестями, ведь уже давно в нашем замке не было такой певицы.

– И, конечно, ты сможешь видаться со мной, Ма, если только пожелаешь. По эту сторону.

– Проще сказать, чем выполнить, – буркнула Роуз.

– Ты же собиралась отвезти меня на восток, – напомнила Лара Мэй. – В больницу или что-то такое. Мне будет намного лучше здесь, где мне всегда суждено было жить.

– Не собиралась я оставлять тебя в больнице, – огрызнулась Роуз, но не стала вдаваться в подробности. Ей была в новинку эта Лара Мэй, способная соображать и рассуждать о своем будущем и все такое. – Кроме того, это не...

– Нет ли у вас при себе серебряного доллара, миссис Джексон? – перебил Торнтон. – Эта голова никак не успокоится.

Роуз взглянула туда, где маршал с трудом удерживал голову Альгамбры на месте. Она все время пыталась оторваться от земли, словно ее подталкивало невидимое тело, и Торнтону пришлось навалиться всей тяжестью, чтобы помешать ей. Она пошарила в карманах юбки, и, разумеется, в одном из них обнаружился серебряный доллар. Роуз вынула его, недоумевая, зачем это ему понадобилась монета.

Голова Альгамбры, казалось, это знала. Она вдруг метнулась и, вырвавшись из-под каблука Торнтон, подскочила в воздух, испустив тонкий злобный визг. Роуз смотрела, как она взлетает все выше и выше, и еще до того, как голова, дрогнув, повисла в двух сотнях футов над землей, женщина поняла, что та готовится нанести страшный, смертельный удар.

– Бросайте доллар! – крикнул Торнтон. – Цельтесь в голову!

Альгамбра снова завизжал и стал падать, как сокол на жертву, широко разинув необъятную пасть. Роуз щелчком подбросила серебряный доллар, он завертелся, блестя на солнце, и монета, и голова набирали скорость, а Роуз выхватила кольт, выстрелила, пуля попала в монету, и монета отлетела в странно круглую голову, точно между глазами. Роуз отскочила в сторону, а голова свалилась на землю и лопнула, ни дать ни взять перезревшая тыква, забытая после Хэллоуина.

– Хороший выстрел, – заметил Торнтон.

– Спасибо, – ответила Роуз, морща нос при виде гадких останков, но, сказать по правде, они не особо походили на разбитую голову – просто кучка мясных обрезков, какими кормят свиней, ничего не осталось от ее округлости, никаких человеческих черт, не было даже глаз, ни одинакового цвета, ни разных. – А теперь, юная леди, – начала она строго, но там не было никакой юной леди, не было и юного джентльмена, ничего, кроме огромного, торчащего вверх утеса и его тени, и маршала, за спиной у которого начинало садиться солнце, все кроваво-красное, и прохлады надвигающейся ночи.

– Думаю, им не терпелось поскорее сообщить радостную весть остальным членам семьи, – сказал Торнтон, – Молодежь, вечно торопятся.

– Но... но... я ж ее мать! Куда они ушли?

Маршал показал вниз, в землю.

– Девочка верно сказала, она пошла в вашего супруга. Горный народ может ходить там, где не можем мы, это правда. А вы не можете долго оставаться на этой стороне, это тоже факт, по крайней мере не сразу. Если вы позволите, мэм, я подберу свое оружие и провожу вас до дома.

– Уж я все выскажу этой девчонке в следующий раз, как увижу ее, – ворчала Роуз, плетясь за ним. – Какая неблагодарность за все, что я делала!

– Таков естественный порядок вещей, – сказал Торнтон, тщательно заряжая револьверы патронами со своего ремня. – Что здесь, что на той стороне. К тому же, думаю, ей будет что вам порассказать при следующей встрече. О свадьбе, почему бы нет, а может, о внуках. Время течет странно, когда пересекаешь черту.

Роуз примолкла, размышляя об этом, приводя мысли в порядок, сортируя и раскладывая по полочкам, как покупки после поездки в город. Она всегда считала, что готовить надо из тех продуктов, какие есть в кладовой, а не мечтать о том, чего нет. И если на обед у вас пресная лепешка да кружка воды, незачем пускать слюни, думая о стейке, пироге с беконом и кофе.

– Паренек-то он вроде симпатичный, – признала Роуз и оперлась на руку, которую предложил ей Торнтон.

– А она очаровательная девушка, – сказал Торнтон. – Хотя, если спросите меня, ни в какое сравнение не идет со своей матушкой.

– Смеетесь вы над старой вдовой, что ли? – спросила Роуз. Она взглядела в пустынную землю впереди и добавила. – И куда мы идем, кстати? Разве ворота не там, на горе?

– Врат множество, главное – научиться их видеть, – ответил Торнтон. – И неважно, парень это, который здесь все знает, или женщина оттуда, это не имеет такого уж значения, чтобы пересечь черту. И не так это опасно к тому же, если правильно выбрать место и время. Так что если только возникнет желание нанести визит, или пригласить к себе, все можно устроить.

– Не вы ли сказали в начале, когда еще мы вместе гнались за ними, о том, что для пересечения линии нужна причина? Что ж, в гости можно ходить только туда, а сюда приходить нельзя?

– Ну, не знаю, – протянул Торнтон. – Когда вы проткнули ножом скарума, а потом еще раз, когда так метко подстрелили тот доллар, я подумал, что мне бы и самому не сработать лучше, а еще о том, как оно складывается, и о том, что хватит мне представлять законную власть с обеих сторон – маршал и смотритель границы, а пора бы подыскать кого-то себе под стать.

Роуз остановилась, повернулась к Торнтону и приподняла со лба шляпу, чтобы лучше его рассмотреть. Он порылся в жилетном кармане и достал на сей раз не ножик, а блестящую звезду из металла. Это была не та звезда, заключенная в круг, и надпись на ней была не по-английски, и написано было не «Маршал США», но Роуз сразу поняла, что это был знак сродни тому, что красовался на груди у Торнтона, по смыслу, а не по имени. Она стояла навытяжку, пока Торнтон пристегивал звезду ей на рубашку, тыльной стороной пальцев он коснулся ее обнаженной кожи чуть ниже ключицы, так что они оба вздрогнули, не от холода – его мужчина и женщина на какое-то время перестали замечать.

– Вы собираетесь проводить меня до самого дома, до ранчо «Звездный круг», маршал? – спросила Роуз, снова взяв его под руку, но не прижимая слишком крепко, чтобы, если что, успеть выхватить кольт, – а сама уже размышляла о том, чтобы перевесить кобуру налево и поупражняться в стрельбе с правой руки.

– Сдается, что так, – сказал Торнтон.

* * *

Гарт Никс живет со своими женой и сыном в Сиднее, Австралия. Он автор бестселлеров в жанре молодежного фэнтези – серий «Старое королевство», «Седьмая башня» и «Ключи от королевства». Бывший менеджер по продажам, публицист и старший редактор в издательстве, он написал такие романы, как «Тряпичная ведьма», «Дети Тени», «Неразбериха с принцами», и (совместно с Шоном Уильямсом) трилогию *Troubletwisters*. Он также является автором ряда сценариев для ролевых игр и статей, посвященных информационным технологиям. Никса часто спрашивают, не является ли его имя⁵ псевдонимом, на что он весело отвечает, что фамилия подлинная.

⁵ В переводе с английского Никс (Nix) – русалка, водяной, речной эльф.

Гензель и Гретель

Жил-был на опушке большого леса бедный дровосек со своей женой и двумя детьми. Мальчика звали Гензель, а девочку – Гретель. Жили они в бедности; а тут еще случился в той земле сильный неурожай, так что дровосек не мог добыть и куска хлеба.

Как-то вечером ворочался он своей в постели, и горькие мысли не давали ему уснуть. Вздыхнул он тяжело и сказал жене:

– Что же с нами будет? Как нам прокормить бедных деток, когда и самим-то нам нечего есть!

– Вот что я тебе скажу, муженек, – отвечала ему жена, – давай-ка рано поутру отведем детей в лес, в самую чащу. Разведем для них там костер, дадим каждому по лишнему куску хлеба, а потом пойдем по своим делам, а их оставим одних. Они нипочем не найдут дорогу домой, вот мы от них и избавимся.

– Нет, жена, – сказал дровосек, – я такого не сделаю. Разве могу я бросить деток одних в лесу? Ведь на них нападут дикие звери и разорвут на части.

– Эх ты, дурачина! – говорит жена. – Выходит, помирять нам тогда с голодухи, всем четверым! Начинай хоть сейчас сколачивать гробы.

И она не оставляла дровосека в покое, пока тот не согласился.

– И все-таки очень уж мне жаль бедных наших деток! – сказал он.

Дети тоже не могли уснуть от голода и слышали все, что говорила их мачеха отцу. Гретель заплакала горячими слезами и сказала Гензелю:

– Ах, теперь мы пропали.

– Успокойся, Гретель, – сказал Гензель, – не горюй, я придумаю, как помочь нашей беде.

И вот, когда родители уснули, он поднялся, надел курточку, отворил дверь и крадучись выбрался на улицу. Луна на небе светила ярко, и белые камешки, рассыпанные перед их домиком, блестели, словно настоящие серебряные монетки.

Гензель нагнулся и доверху набил ими карман своей курточки. Вернулся в дом и сказал Гретель:

– Не печалься, дорогая сестрица, спи спокойно. Господь не оставит нас в беде.

Сказав так, он снова улегся в свою кровать.

Едва стало светать, так рано, что еще не взошло солнце, пришла мачеха и принялась будить детей:

– Вставайте, лежебоки. Пойдете с нами в лес по дрова.

Потом дала она им по кусочку хлеба и говорит:

– Это вам на обед; только смотрите, не съешьте его раньше времени, больше-то ничего не получите.

Гретель положила хлеб под свой передник, у Гензеля-то карман был занят камушками.

Вот собрались они и все вместе отправились в лес. Когда они отошли совсем немного, Гензель остановился и оглянулся на их домик, а потом снова и снова. Отец спросил его:

– Гензель, на что ты все смотришь, почему отстаешь? Не глазей по сторонам да шевели ногами.

– Ах, батюшка, – сказал Гензель, – это я смотрю на свою белую кошечку, она сидит на крыше, словно прощается со мной.

Жена дровосека сказала:

– Что за глупости, никакая это не кошечка, то блестит на трубах утреннее солнце.

А Гензель и правда не глядел на кошечку, а все время доставал из кармана белые камешки и бросал на дорогу.

Когда они зашли в самую чащу леса, отец говорит:

– Вот что, детки, насобирайте-ка хворосту, я разведу костер, чтобы вы не замерзли.

Гензель и Гретель набрали много хворосту, целую кучу. Разожгли костер. Когда огонь разгорелся, сказала мачеха:

– А теперь, дети, полежите у костра, отдохните, а мы тем временем пойдем в лес дрова рубить, а когда закончим, вернемся за вами.

Гензель и Гретель уселись к огню, а в полдень съели свои кусочки хлеба. До них все время доносился стук топора, вот они и думали, что это отец рубит дрова поблизости. А на самом деле стучал совсем не топор, а ветка – дровосек привязал ее к сухому дереву, которое качалось на ветру, вот она и билась о ствол.

Дети долго сидели у костра и так устали, что у них стали слипаться глаза, вот они и заснули. А когда, наконец, проснулись, уже совсем стемнело и наступила ночь. Гретель принялась плакать и сказала:

– Как же теперь мы найдем дорогу из лесу?

Но Гензель ее утешил:

– Погоди немного, сестрица, пока не взойдет луна, а тогда мы сразу увидим, куда нам идти.

Наконец на небо вышла полная луна. Гензель взял сестру за руку, и пошли они по камешкам, которые блестели ярко, точно новые серебряные монетки, и указывали им путь. Дети брели всю ночь напролет и к рассвету добрались, наконец, до домика отца.

Они постучали в дверь, а мачеха отворила увидала, что это Гензель и Гретель, и стала браниться:

– Ах вы, непослушные дети, что ж вы так долго спали в лесу? Мы уж думали, что вы и вовсе не вернетесь назад.

Отец же, увидав детей, очень обрадовался, ведь у него разрывалось сердце оттого, что он бросил их в лесу.

В скором времени в их земле снова случился неурожай, и слышали дети, как мачеха говорит ночью их отцу:

– Опять мы все подъели, только и осталось, что пол хлебного каравая, видно, конец нам пришел. Придется все же избавиться от детей: заведем их еще дальше в лес, чтобы не смогли найти обратной дороги. А иначе нам не спастись.

На сердце у дровосека будто лег тяжелый камень, он думал, что лучше уж станет делиться с детьми последним куском. Однако злая баба ничего не желала слышать, только распекала его и бранила. Не давши слово – крепись, а давши – держись, – уступил он жене в первый раз, волей-неволей пришлось уступить и теперь.

Да только дети еще не спали и слышали разговор. Дождавшись, когда родители уснут, Гензель снова встал и хотел выйти из домика и набрать камешков, как в прошлый раз. Мачеха, однако, заперла дверь, так что Гензель не сумел выйти из дому. Стал он утешать сестру и сказал:

– Не плачь, Гретель, спи спокойно, добрый Господь не оставит нас в беде.

Рано утром пришла мачеха и велела детям вставать. Кусочек хлеба, который она им дала, был еще меньше, чем в прошлый раз. По дороге в лес Гензель раскрошил в кармане хлеб, часто останавливался и бросал на землю крошки.

– Гензель, что это ты останавливаешься и все оглядываешься? – сказал отец. – Пошевеливайся.

– Я смотрю на своего голубка, что сидит он на крыше и хочет со мной проститься, – ответил Гензель.

– Дурачина, – сказала мачеха, – какой же это голубь, это утреннее солнышко блестит на трубе.

Но Гензель потихоньку бросал крошки, пока не разбросал их все.

Мачеха завела детей в самую лесную чащу, где они еще никогда не бывали. Снова развели большой костер, мачеха и говорит:

– Посидите тут, детки, а коли притомились, немножко поспите. А мы пойдем в лес рубить дрова, а вечером, как закончим, придем и заберем вас с собой.

В полдень Гретель поделилась с Гензелем своим кусочком хлеба, – свой-то кусок он раскрошил по дороге. Потом они поспали, но и вечером не пришел никто за бедняжками. Среди ночи они проснулись, и Гензель стал утешать сестрицу:

– Подожди, Гретель, пока не взойдет луна, тогда мы разглядим на дороге хлебные крошки, что я разбросал по дороге, они укажут нам дорогу домой.

Когда взошла луна, дети пустились в путь, но не нашли ни одной крошки, – многие тысячи птиц, что летают в лесу и в поле, поклевали их все до единой. Тогда говорит Гензель сестрице:

– Скоро мы найдем дорогу.

Но они ее так и не нашли. Они шли всю ночь и весь следующий день, с утра до позднего вечера, но не сумели выбраться из лесу. Дети страдали от голода, ведь есть им было нечего, кроме двух-трех ягодок, которые сорвали по дороге. Они так устали, что еле волочили ноги, и вот прилегли они под деревом и уснули.

Пошло третье утро с той поры, как дети покинули отцовский дом. Они снова пустились в путь-дорогу, но только заходили все глубже в чащу, и им грозила смерть от голода и усталости, если только в самом скором времени не подоспела бы помощь.

В полдень они увидели красивую белоснежную птицу, сидящую на ветке. Птичка эта пела так славно, что они остановились и стали ее слушать. Окончив песню, птичка взмахнула крыльями и полетела. Дети пошли за ней а когда добрались, наконец, до маленькой избушки, то птичка миглом уселась на крышу. Подойдя поближе, дети увидели, что избушка сделана из хлеба, крыша на ней из пряников, а окошки из прозрачных сахарных леденцов.

– Давай-ка возьмемся за нее, – сказал Гензель, – вот уж наедемся на славу! Я съем кусочек крыши, а ты, Гретель, попробуй-ка окошко, – оно, наверное, очень сладкое.

Гензель забрался наверх и отломил кусочек крыши, чтоб попробовать, какова она на вкус, а Гретель подошла к окошку и принялась грызть.

Вдруг из домика послышался тихий голос:

Кто там грызет да кусает?
Кто домик мой объедает?

Ответили дети:

Это ветер с неба
Унес немного хлеба!

И продолжали объедать домик, не обращая внимания на голосок.

Гензель – ему пришлась по вкусу пряничная крыша – отломал изрядный кусок и сбросил вниз, а Гретель выломала целое круглое стекло из сахара, уселась и стала его уплетать.

Вдруг дверь открылась, и из домика вышла древняя старуха, опираясь на клюку. Гензель и Гретель ужасно перепугались и выронили все, что держали в руках. Старуха покачала головой и говорит:

– Ох, милые мои детки, и кто только вас сюда привел? Что ж, раз так, можете войти и остаться у меня. Тут никто не причинит вам зла.

Она взяла их за руки и повела в избушку. Угостила их вкусной едой – дала молока и сахарных блинчиков яблок и орехов. А потом она застелила белыми простынями две чудесные маленькие кровати, а Гензель и Гретель улеглись на них, думая, что оказались в раю.

Но старуха только притворялась доброй. На самом деле была она злой ведьмой, которая ловила детей, а домик из хлеба построила для приманки. Заманив к себе дитя, она его убивала, варила и съедала, и этот день был для нее праздником.

Глаза у ведьм всегда красные, и видят они только у себя под носом, зато нюх у них, как у зверей, и человеческий дух они хорошо чувят. Когда Гензель и Гретель только еще подходили к ее домику, она злобно расхохоталась и с усмешкой промолвила:

– А, попались! Теперь им от меня не уйти!

Ранним утром, пока дети не проснулись, ведьма поднялась и поглядела на них. А увидев, как безмятежно они спят и до чего они хорошенькие с пухлыми розовыми щечками, пробормотала себе под нос, что ее ждет славное угощение.

Потом она схватила Гензеля тощей рукой, утащила его в маленький хлев и там заперла за зарешеченной дверью. Кричи – не кричи, все бесполезно. Потом она пришла за Гретель, приняла трясти ее, а разбудив, закричала:

– Поднимайся, лентяйка! Принеси воды да приготовь вкусной еды для своего брата – он там, в хлеву, и надобно его как следует откормить. А как наберет он жира, я его съем.

Принялась Гретель плакать горячими слезами, но все было напрасно, пришлось ей делать то, что приказывала злая ведьма.

Теперь Гензелю готовили вкусную еду, а Гретель доставались одни лишь объедки. Каждое утро старуха подходила к хлеву и кричала:

– Гензель, высунь-ка пальчик, я пощупаю, набрал ли ты уже жирок.

Но Гензель протягивал ей косточку, а старуха с ее слабыми глазами не могла рассмотреть ее как следует. Она думала, что это палец Гензеля, и удивлялась тому, что он никак не наберет жиру.

Прошло четыре недели, а Гензель оставался все таким же тощим, – тут терпение у старухи закончилось, и она не захотела больше ждать.

– Эй, Гретель, – крикнула она девочке, – сбегай-ка, принеси воды. Толстого или тощего, все равно завтра я убью Гензеля и сварю.

Ах, как же горевала бедная сестрица, таская воду, слезы так и текли у нее по щекам.

– Милый Господи, помоги нам! – плакала она. – Пусть бы лучше нас сожрали в лесу дикие звери, тогда мы по крайней мере умерли бы вместе.

– Довольно причитать! – сказала старуха. – Это тебе не поможет.

Рано утром Гретель пришлось встать и повесить в очаге котел с водой и развести огонь.

– Сперва испечем хлеб, – сказала старуха, – я уж истопила печку и замесила тесто.

И она подтолкнула бедняжку Гретель к печке, в которой уже полыхало пламя.

– Подойди поближе, – сказала ведьма, – и погляди, довольно ли протоплена печка да пора ли печь хлеб?

А как только Гретель подошла, ведьма хотела впихнуть ее в печь и закрыть там, чтобы испечь ее и тоже съесть.

Но Гретель догадалась, что у нее на уме, и сказала:

– Не пойму, как же это сделать. Как мне влезть туда?

– Да ты глупа, как пробка, – говорит старуха, – вон какой большой лаз, даже для меня. Смотри, как надо! – И она сунула голову в печь.

Тогда Гретель толкнула старуху что было сил, и та упала прямо в печь, потом закрыла железную дверцу и заперла на задвижку. Старуха принялась ужасно выть и кричать, но Гретель убежала, а мерзкая ведьма сгорела дотла.

Гретель побежала к Гензелю, открыла маленький хлев и крикнула:

– Гензель, мы спасены: старая ведьма умерла!

Гензель выскочил из хлева, точно птичка из клетки, когда откроют дверцу. На радостях они принялись обниматься и плясать, и целоваться! Теперь им больше нечего было бояться, так что они вошли в ведьмину избушку, а там повсюду стояли сундуки, полные жемчугов и драгоценных камней.

– Это лучше, чем наши камешки, – сказал Гензель и набрал полные карманы.

А Гретель говорит:

– Я тоже хочу взять что-нибудь домой, – и насыпала полный передник.

– А теперь пора нам уходить, – сказал Гензель, – чтобы выбраться из ведьминогo леса.

Шли они часа два и увидели широкую реку.

– Нам через нее не перебраться, – сказал Гензель, – нигде не видно ни брода, ни моста.

– Не видно и лодки, – отвечала Гретель, – но вон там плывет белая утка; если я ее попрошу, она нам поможет.

И Гретель позвала:

Уточка, подплыви,
Мне и братцу помоги,
Спинку белую подставь,
На тот берег переправь!

Уточка подплыла, Гензель уселся ей на спину и сказал сестрице садиться рядом с ним.

– Нет, – возразила Гретель, – уточке будет слишком тяжело. Она переправит нас по очереди, сперва тебя, а потом меня.

Добрая утка так и сделала, и они благополучно переплыли на другой берег. Прошли они еще немного и стали замечать, что лес становится все более знакомым, а вскоре увидели издали домик отца. Тут они побежали вперед, в комнату, и бросились обнимать отца.

С тех пор как дровосек завел детей в лес и бросил, не знал он ни минуты радости, а жена его умерла.

Гретель высыпала из передника жемчужины и драгоценные камни, так что они рассыпались по всей комнате, а Гензель доставал их из кармана целыми пригоршнями.

Наконец пришел конец их несчастьям, и они зажили вместе в радости и довольстве.

Тут и сказочке конец,
Влезла мышка на светец,
Кто ее убьет,
Себе шапку сошьет,
Шапку меховую,
Большую-пребольшую.

Роберт Ширмен Голод

В семействе фон Цитенов скандалов отродясь не бывало. Фон Цитены их не одобряли. Зиглинда знала, что одному фон Цитену случилось побывать на войне и он сделал что-то очень нехорошее (на какой именно войне, она не знала, а теперь уж, пожалуй, поздновато было интересоваться). Он то ли струсил, когда надо было показать себя героем, то ли повел себя, как герой, когда общественное мнение как раз ополчилось против героизма и осмотрительность ценилась много выше. Словом, все это было просто ужасно. Но капитан фон Цитен исправил положение ценой собственной жизни – он застрелился из револьвера своего подчиненного, – и семейство сурово простило его.

А иногда на вечеринках – если Дядя Отто напивался – Зиглинда слышала, как он бормочет себе под нос истории о Тете Ильзе, скрывавшей свою непристойную страсть к козлам. И больше ничего – фон Цитены были респектабельны, благообразны и безупречны.

Поэтому, когда разразился скандал вокруг Бабули Греты, все удивились, а в глубине души даже порадовались немного. У них ведь появился новый предмет для осуждения.

Зиглинде понадобилось несколько дней, чтобы раскопать, в чем была суть скандала. Считалось, что она еще ребенок, а потому стоило ей войти в комнату, как все переходило на шепот. Но в конце концов мама ей все же рассказала, под тем предлогом, что это может оказаться полезным для ее нравственного воспитания. Зиглинду усадили со всей приличествующей случаю серьезностью, но от девочки не укрылось, как взволнованно звучал мамин голос, как блестяли ее глаза и как она тараторила – она наслаждалась порочностью Бабули Греты.

А дело было вот в чем: прожив более шестидесяти лет в браке, Бабуля Грета решила развестись. «Более шестидесяти лет!» – повторила мама, да к тому же, насколько могли судить фон Цитены, брак был счастливым – по крайней мере семейство никогда не замечало у супругов признаков недовольства. И не то чтоб у Бабули был шанс как-то осмысленно распорядиться остатком жизни – ей уж, кажется, перевалило за восемьдесят, так что в последних потугах Греты на независимость, ради которых она решилась на скандал, было удивительно мало смысла. Причин для развода у Греты не было, или, по крайней мере, Дедуля Гюнтер уверял, что не давал ей повода. Все немного сочувствовали Дедуле Гюнтеру, что само по себе было несколько неловко: Дедуля был человек крепкий и кряжистый, не склонный к душевным переживаниям – сочувствовать ему было как-то неправильно. Семья задавалась вопросом, не сошла ли Грета попросту с ума? Это многое объяснило бы и, возможно, даже смягчило тяжесть проступка. Хотя, конечно, если уж она вздумала сойти с ума, следовало бы сделать это тихо, не привлекая к себе ничьего внимания.

Зиглинду учили избегать скандалов, и она изо всех сил старалась следовать правилу. Например, ей всего нескольких месяцев недоставало до шестнадцати лет, а видиться с Клаусом до сих пор позволялось только в присутствии взрослых. Несмотря даже на то, что семья знала: в один прекрасный день молодые люди поженятся – более того, именно семья и выбрала для нее этого жениха! Зиглинда понимала: не следует задавать лишних вопросов о бабушке и ее греховных поступках. Но Бабуля Грета ей нравилась. Может быть, она даже была самой любимой из всех бабушек и дедушек – Грета была несколько строга, так ведь фон Цитены вообще отличались строгостью. Правда, иной раз, когда Зиглинда гостила у нее, особенно в раннем детстве, Грета пекла ей чудесных пряничных человечков. Зиглинда в жизни не ела ничего вкуснее этих человечков. Она так и не поняла, что за приправу бабушка клала в них для вкуса.

Зиглинда знала: попроси она сейчас разрешения сходить в гости к бабушке, родители откажут. Так что она и не просила. Выбрав время, когда папа был у себя в кабинете, а мама хлопотала на кухне, Зиглинда улизнала. Она не хотела явиться к бабушке с пустыми руками,

поэтому потратила карманные деньги у булочника, купив полный пакет бриошей, часть из них с шоколадной начинкой.

Бабушка, казалось, не удивилась, увидев внучку.

– А вот и ты, – сказала она. – Хорошо. Поможешь мне найти чемодан.

– Я принесла бриоши, – сказала Зиглинда.

– Давным-давно я съела свою последнюю бриошь, – сказала Бабуля Грета.

– У некоторых внутри шоколад.

– И шоколад тоже, – сказала Бабуля Грета.

– Так это правда? Ты уезжаешь?

– Да, – сказала Бабуля Грета.

– Ты сумасшедшая? Все говорят, что ты сошла с ума.

– Я не сошла с ума, – сказала Грета. – Если я и сумасшедшая, то была точно такой же сумасшедшей и раньше. Просто решила перестать притворяться. Все это притворство, как же я от него устала. Я напекла пряничных человечков в последний раз. Давай полакомимся пряниками и поговорим.

Зиглинда согласилась. Она давно уже не пробовала бабушкиных пряничных человечков, только спросила, не слишком ли она взрослая для них.

– Ах, чепуха, – отмахнулась Грета. – Возраст у тебя как раз самый подходящий для моих пряничных человечков. Все те человечки, которых ты ела до сих пор, были просто подготовкой. Теперь, наконец, попробуешь настоящих. – Но сначала, – прибавила она, – мы найдем чемодан, ладно?

Они поднялись на чердак. Там не было света.

– Твой дедушка, – сказала Грета, – все обещал провести сюда электричество, но так и не сделал. Всегда у него так: завтра, завтра, получишь свои лампочки завтра.

Зиглинда поинтересовалась, не потому ли бабушка от него уходит.

– Все хорошо в свое время, – ответила Грета, шаря в темноте, а потом добавила: – Ага, ага, вот же он!

И вытащила из тьмы чемодан. Он был большой и коричневый, с медными пряжками.

– Хорошо, – сказала бабушка, – Теперь пойдем, поболтаем.

Пряничные человечки были только что из печки, почему-то они казались влажными, какими-то сочными – хотя Зиглинда отлично знала, что пряники сочными не бывают. Рот у нее наполнился слюной. Грета принесла пакет с бриошами, заглянула в него, отшатнулась с отвращением и без церемоний швырнула пакет в мусорное ведро.

– Тебе правда так уж надо уехать, Бабуля? – спросила Зиглинда, и на глазах у нее выступили слезы, и это было странно, ведь она не была сентиментальной девушкой – сантименты не приветствовались в доме фон Цитенов.

– Ну, ну! – Бабуля сочувственно хлопала Зиглинду по руке, она тоже не привыкла выражать свои чувства, так что этот жест получился неуклюжим и грубоватым, как если бы для утешения Зиглинде подсунули под нос дерюжный мешок с луком. – Я должна рассказать тебе историю, ту же, которую рассказала своему мужу. А ты должна поесть.

Зиглинда надкусила пряничного человечка. Это было вкусно.

– Я родом из бедной семьи, куда беднее вашей. У меня был брат по имени Ханс, отец – лесоруб, сначала была и мать. Потом мать умерла. А отец снова женился. Мачеха нас невзлюбила.

(«Это была злая и жестокая мачеха?» – спросила Зиглинда.)

– Не думаю, что она была так уж зла или обходилась со мной более жестоко, чем моя родная мать. Мачехам бывает трудно. Трудно любить даже собственную плоть и кровь, уж я-то знаю. А уж чью-то еще полюбить почти невозможно. Ах, да ведь эта история вовсе не про злобных мачех.

(«Хорошо».)

– Ты такая же, как твой дед. Не перебивай больше.

– («Извини».)

– Мачеха не желала терпеть нас в доме. Она старалась нам улыбаться, но мы с Хансом видели ее насквозь. Улыбки у нее получались вымученные, кривые, будто она страдала от зубной боли. Мы играли в лесу. Заходили все глубже и глубже, день от дня, и осмелели настолько, что могли зайти в самую чашу. Однажды мы так играли, и Ханс мне говорит: «Ну вот, сестрица, теперь мы, наконец, заблудились по-настоящему. Дом, наверное, далеко, и неизвестно, в какой он стороне. Мы будем блуждать до конца жизни, но так его и не найдем. А может быть, здесь мы и померем – если не от голода, так замерзнем или волки нас съедят». И он расплакался, потому что братец мой был очень нежный мальчуган.

Мы легли на землю и собрались умирать, мы смирились со смертью, тогда ведь не имели обыкновения противиться ей так, как нынешний народ. Но мы не успели испустить последний вздох, а увидели старуху, стоящую над нами. Я сказала, что она была старухой... может, она не была такой уж дряхлой, но в моем возрасте тогда старым казался любой человек с седыми волосами, выпавшими зубами во рту и оспинами на лице. Она сказала:

– Ах, бедные мои детки, вы, должно быть, совсем голодные. Хотите, я отведу вас в такое место, где много еды, сплошная еда. Кладовые у меня полны так, что ломаются, а стены домика сложены не из кирпичей, а из свежих, мягоньких хлебных буханок, а скреплены не замазкой, а шоколадной помадкой, а крыша-то крыта лакричными леденцами. Пойдете со мной? Тут недалеко.

Ханс был моим братом. Я всегда его слушалась. Ханс сказал: «Ладно». И я подумала, что эта женщина могла бы стать нам новой матерью. Я спросила, как ее зовут, а она ответила, что у нее нет имени, а если и было, так она давно его позабыла. Я было начала называть ей наши имена, а она меня остановила, сказав, что не думает, что нам надо так близко знакомиться.

Так оно и вышло. Только мы вошли в ее дом, как она большим ключом заперла за нами дверь. «Уж простите, касатики», – сказала она, и, честно говоря, по ней было видно, что ей и впрямь жаль, и мы не смогли на нее рассердиться. Она сказала: «Как видите, кирпичики сделаны из кирпичиков, цемент – это просто цемент, солому с крыши давно унесло ветром, а пока она еще там лежала, то совсем не походила на лакричные леденцы. В доме есть еда, но еда – это вы, то есть я хочу сказать, что съем вас обоих, понимаете? Они у вас внутри, ваши почки, сердца и требуха, в общем, вы оба не что иное, как аппетитные личинки в тонкой колбасной шкурке, и то, что вы до сих пор бегаєте – это не дело, но мы это поправим».

Она откусила Хансу палец и проглотила его. Потом откусила один из моих и тщательно прожевала. Потому что, как ты понимаешь, по пальцам лучше всего можно определить, хорош ли ребенок. «Пока еще недостаточно спелые, – сказала она, – но не беда, недолго уж осталось, ох и закачу же я пир! А тем временем, обещаю, буду с вами ласкова и заботлива, буду вам доброй матушкой – это самое малое, что я могу для вас сделать. Мне и правда ужасно жаль, но вы должны понять, я ведь тоже страшно голодна, просто умираю от голода».

Она принялась нас откармливать. А это было непросто, ведь еды в доме не было. Она раздевала нас и ставила в ванночку и терла мочалкой – знаешь, такие мочалки, что растут на кустах, с жесткими щетинками? Старая кожа сходила с нас лоскутьями, а она ее собирала, каждый крохотный клочок, и жарила, и велела нам есть – а пахла та кожа очень хорошо, вроде жареного лука, и так аппетитно шкворчала на сковороде. Но сама она не съела ни крошечки, какой бы голодной ни была. «Нет, нет, – говаривала она, – это угощение для деток, а обо мне не тревожьтесь, скоро уж и я дождусь своего обеда». Но иногда она смотрела, как мы едим, и не могла сдержаться, при виде нас у нее начинало урчать в животе, и она принималась плакать. Мы ее умоляли: «Поешьте, пожалуйста поешьте!», мы говорили: «Возьмите у нас еще по пальчику, откусите их, утолите голод». Однажды она так и сделала, засунула их в рот, но вздрогнула и

сказала, что мы все еще недостаточно спелые – и что мы поступили очень дурно и эгоистично, заставив ее раньше времени потратить два чудесных пальца, которые еще не были готовы. Она сильно разозлилась, я думаю, впервые за все время, что мы ее знали, и отправила нас спать без ужина. Впрочем, в те голодные дни это было в порядке вещей.

Как-то утром за завтраком, когда мы с Хансом жевали лоскутки старой кожи, женщина заявила, что не в силах больше ждать. Она слишком голодна, еще час, и она умрет от этого невыносимого голода, и что тогда будет со всеми нами? Ей необходимо съесть нас прямо сейчас, немедленно. А если мы еще не дозрели как следует, что ж делать, она готова помучиться несварением. Она слишком ослабела для того, чтобы развести огонь в печи, так что мы с Хансом все делали сами, но, видно, в чем-то ошиблись: в конце концов мы приготовили ее вместе себя. Я все спрашивала Ханса: «А ты уверен, что мы все делаем правильно?», когда мы складывали женщине руки и подпихивали их ей под живот, чтобы просунуть в печь, и он отвечал, чтобы я не волновалась. Женщина нас не винила. Она сказала: «Вот и ладно, так или эдак, настал конец моим страданиям». Думаю, так оно и было.

Мы взяли ключ и открыли входную дверь, и вышли в лес. Ах, каким же свежим был воздух, каким густым, кажется, его можно было есть. И мы были свободны. И мы собрались домой.

– Мне не нравится этот чемодан.

– Что? – спросила Зиглинда. – Какой чемодан?

– Не нравится он мне, – сказала Бабуля Грета. – И эти ужасные медные пряжки! Что за показуха! Что за безвкусица! Ах, когда тащишься с чемоданом и тебе некуда с ним податься, тут меньше всего нужны медные пряжки – только руки оттягивать. Нет. Мы с тобой снова залезем на чердак. Вставай. Пойдем на чердак, подберем чемодан получше.

Зиглинде показалось, что на этот раз темнота на чердаке была еще темнее прежнего, и это было невозможно, разумеется, – но от этой темноты у Зиглинды болели глаза.

– Стой там, – распорядилась Бабуля Грета и нырнула в темноту, а Зиглинда понимала, что она там ни зги не видит: у нее, Зиглинды, глаза были молодые и зоркие, насколько же хуже должна была видеть Грета, при ее-то древности!

Она услышала, как Грета пыхтит от натуги, будто сражается с кем-то, может, она там сражалась с самой тьмой. И Зиглинде вдруг стало совершенно ясно, что она никогда больше не увидит бабушку, что та пропала навеки в этой темноте или даже умерла, а спасти ее Зиглинда могла бы только одним способом – бесстрашно прыгнув во тьму и отдать себя на милость тому, кто прятался внутри, умоляя сохранить жизнь бабушке. Но ей не хватило храбрости и, еще того хуже, не было даже такого желания.

И тут вдруг Грета вынырнула, обеими руками крепко сжимая другой чемодан – этот был еще больше, серее и без всяких оскорбительных пряжек. Вид у нее был спокойный, будничный, как будто не она только что вступила в битву с чудовищами тьмы, будто не она только что была на волосок от смерти – но вообще-то, может, и не была.

– Выпить чаю, – сказала она, – вот что нам нужно, а ты съешь еще одного пряничного человечка, правда? Идем, идем.

На кухне Зиглинда сказала:

– Я не возьму второго пряничного человечка, спасибо.

Бабуля Грета сказала:

– Это почему?

Зиглинда объяснила, что не хочет располнеть.

Бабуля Грета сказала:

– Было время, когда нас совсем не волновали подобные глупости. Толстеть было хорошо. Это значило, что сможешь пережить зиму.

Зиглинда ответила, что это было давно, а теперь быть полной нехорошо, и что Клаус не хочет, чтобы она набирала вес, – он говорит, что ему не нравятся девочки с широкими бедрами.

– Этот твой Клаус идиот, – сказала Грета, – и бедра у тебя совсем не широкие, уж поверь мне, я эксперт, я нюхом чувую, что им еще толстеть и толстеть. А теперь съешь-ка еще одного пряничного человечка, а то я обижусь и мы не будем больше друзьями.

Зиглина этого не хотела, к тому же ей нравились бабушкины пряники, они и впрямь были удивительно вкусными.

– А ты разве не возьмешь себе пряник? – спросила Зиглинда и откусила ногу, а Грета отмахнулась от предложения и подняла свою чашку, и тут-то Зиглинда вдруг заметила, что у бабушки в самом деле не хватает пальцев на руке, а она никогда этого не замечала, как ни странно.

– Мне понравилась твоя история, бабушка, – сказала Зиглинда. – Но я все равно не поняла, почему ты уходишь от Дедули.

– Это потому, что история еще не окончена, – ответила бабуля Грета. – А теперь при-
молкни, кровь от крови моей, и слушай.

Я сказала, что воздух был таким свежим и вкусным, что его, казалось, можно было есть. Но взаправду-то съесть его мы не могли. И, хотя мы с Хансом наслаждались свободой и радовались тому, что избежали лютой смерти от рук старухи, на самом-то деле мы еще были в опасности. Мы бродили по лесу, такие же голодные, как раньше, и не находили дороги. Мы плутали много часов, и ноги у нас болели, и болели пустые желудки, и Ханс сказал: «Плохо дело, сестрица, лучше бы все оставалось, как было. Тогда в нашей смерти был хотя бы резон – она помогла бы сохранить кому-то жизнь, а она схоронила бы наши косточки и вспоминала бы нас, и в ночной тьме, сидя в одиночестве, гладила бы себя по животу, и ей было бы не так одиноко». Ханс проронил слезу, потому что, я уже говорила тебе, он был очень чувствительным мальчиком.

Но мы все продолжали брести вперед, и вот, когда уже совсем падали от слабости, вдруг увидели перед собой дом. И только добравшись до дверей, мы поняли, что это был за дом – все это время мы шли по кругу. Мы вернулись к той самой лачуге, где были пленниками, где кирпичи были не из хлеба, а замазка не из помадки, но все равно там что-то очень вкусно пахло. И мы открыли дверь, и там, конечно, была та женщина – там, где мы ее оставили, и испеченная в самую меру.

О, у меня прямо живот скрутило, так хотелось мяса. «Выбирать нам не приходится», – сказал Ханс и достал из печки жаркое, и отломал у женщины одну руку, и начал глотать. Женщина смотрела на нас глазами, которые от огня побурели и походили на печеные яйца. «Прикрой их, по крайней мере», – сказала я, а Ханс сделал кое-что получше: все ее лицо целиком оторвал, да и бросил в огонь. «Ты должна поесть, – сказал он, – дорогая моя сестрица, ты же знаешь, нам нынче привередничать не приходится».

А я сказала: «Не выберешь ли ты мне кусочек, но не слишком мясистый, чтобы не очень было понятно, что он с мертвого тела?» И он порылся, а потом протянул мне что-то похожее на маленький кусочек курицы, и я положила его в рот и проглотила.

О, как же было вкусно! Мой желудок заурчал от удовольствия – да так сильно, сказать по правде, что сначала он отправил это мясо обратно, и мне пришлось проглотить его еще раз, медленнее, чтобы убедиться в том, что это не сон. Той ночью у нас был пир. Я недолго мучилась угрызениями совести – они больше были ни к чему, да и зачем, ведь мои чувства не могли меня обманывать? У тела столько разнообразных вкусов – сердце, легкие, почки, мясо: и ничего пресного, ничего безвкусного. Мы предназначены в пищу, созданы для этого. Вскоре я даже выудила из огня лицо женщины, и мы съели и его тоже. И ты знаешь, глаза на вкус и впрямь оказались почти как яйца, надо было только зажмурить свои собственные и притвориться.

Я сказала, что еда придавала нам сил и теперь завтра мы сумеем найти дорогу домой, и Ханс согласился. Мы легли спать с полными животами – такими полными, что не могли на них лечь и то и дело перекатывались набок. А утром Ханс сказал: «А к чему уходить? Дом-то теперь может быть нашим. А прокормиться мы сможем тем, что найдем в лесу. Потому что в лесу полным-полно деток, все дети в мире хоть раз да ходят в лес поиграть, и многие бывают неразумны и забираются слишком далеко. На свете миллион злых мачех, от которых дети убегают, и миллион добрых дровосеков, которым нет до всего этого никакого дела».

Я помню первое дитя, которое мы поймали. Оно смотрело на нас с таким идиотским облегчением. Оно сказала, что уж думало, что умрет здесь в одиночестве. Ханс сказал: «Не в одиночестве», – и поскорее сломал ему челюсть, потому что та женщина была права, лучше, чтобы ребенок не сообщал своего имени: не стоит завязывать слишком близких отношений с домашним скотом. Мы отломали каждый по палец и отведали их, и нам они показались достаточно спелыми – но что мы понимали? Потом мы подвесили дитя вверх ногами, а оно не переставая вопило, а потом перестало вопить и только тихо плакало, а потом и плач прекратился.

Детское мясо – самое лучшее, хорошо отходит от косточек и тает во рту, и у него вкус смерти, а смерть хороша на вкус, – можно прожить и на овощах, но наслаждения от этого не получишь, а угощаясь смертью, мы хоть на миг да чувствовали, что мы победили ее, что мы боги, мы будем жить вечно.

И так было несколько лет. Мы никогда не были с детьми жестоки, не подвергали ненужным страданиям – и это тоже было хорошо и правильно, потому что неспелое дитя кислотовато на вкус, но страдающее дитя – просто сушая кислятина. И мы забыли лицо своего отца. И нам было все равно – я думаю, что нам было все равно.

Однажды мы нашли маленькую девочку, спящую под кустами. Она спала совсем рядом с нашим домиком, прямо-таки в нескольких шагах – будто кто-то принес ее нам в подарок. Сперва я думала, что она уже померла, а ребенок, если он уже умер, мало на что годен – он съедобен, конечно, но что за удовольствие подбирать объедки после воронов да червей? Ханс поддел ее ногой, и она открыла глаза, моргнула, увидев нас, и улыбнулась. Она улыбнулась. Ханс говорит: «Мы тебя съедем». А девочка ему: «Я знаю, как выйти из лесу. Я знаю дорогу домой».

Я сказала Хансу: «Вот оно, наше избавление». А Ханс ответил: «Нет для нас избавления. Мы такие, какие есть, и уже никогда нам не стать другими. Мы охотимся на слабых и беззащитных и из-за этого становимся злыми, ну так что, пусть мы злые, зато мы честные. Там, за лесом, нет для нас дома. Грета».

И он пустил слезу, но на сей раз я была сыта по горло чувствительностью брата. Я сказала: «Не такой жизни я для себя хотела. Есть и притворяться, будто едим что-то другое. Какать и притворяться, что из нас выходит не то, что мы съели. Трахаться и притворяться, что ты мне не брат. Где-то должна быть жизнь и получше».

А Ханс сказал: «Во все времена жизнь всегда такова».

И еще ребенок. Ребенок все это время продолжал улыбаться. Клянусь тебе, если бы эта девочка сдалась, принялась хныкать, как все прочие, если бы бросилась в драку или стала умолять оставить ей жизнь, я уступила бы голоду и сожрала бы ее прямо не сходя с места. Но она улыбалась. Так что же я могла поделать?

Я сказала Хансу: «Я ухожу».

А он сказал: «Если ты уйдешь, мы никогда больше не встретимся».

А я сказала: «Так тому и быть. Ты нас отпустишь?»

Потому что он держал в руке нож. И мы голодали – зима выдалась лютая, и детишки играли по домам. И я подумала, что он ведь может не послушать меня и съесть девочку. И меня заодно, подумала я.

Так мы стояли, все трое, мой братец, я и улыбчивая девочка. А потом брат мой повернулся и пошел к дому, и вошел в него.

«Идем», – сказала девочка и взяла меня за руку. И я крепко сжала ее руку, и уверяю тебя, я плакала горячими слезами, сама не знаю, оттого ли, что кто-то пришел меня спасти, или от того, что я потеряла своего брата. «Идем», – сказала девочка, – я отведу тебя домой».

И мы вышли из лесу. Я получила работу в универмаге, продавала чулочно-носочные изделия. Вот где я и познакомилась с твоим дедушкой. Он работал там же счетоводом. Он пожалел меня. Его не испугала моя неотесанность. Он женился на мне и постепенно сгладил мои шероховатости. Ах, он разделил со мной постель, и я подарила ему детей. Одним из них был твой отец».

(Зиглинда спросила: «А что случилось с маленькой девочкой?»)

А семья приняла меня ради него. А может, они меня не приняли, а просто мирились. По крайней мере, в глаза мне ничего такого не говорили. И с тех пор мы зажили счастливо. Я никогда больше не съела ни одного ребенка – я хочу, чтобы ты это знала. Мне очень важно, чтобы ты поняла. Я никогда больше никому не причинила зла, с тех самых пор, как вышла из лесу. Так я заплатила за спасение.

(«Что случилось с маленькой девочкой?»)

Этот чемодан не годится! Слишком велик. И зачем только делают такие большие чемоданы? Кому в голову придет столько с собой таскать?

(И Зиглинда уже решила было, что бабушка собирается оставить ее вопрос без ответа, но тут Бабуля Грета вздохнула, посмотрела Зиглинде прямо в глаза и сказала...)

– Это был очень большой лес.

Грета предложила Зиглинде еще одного пряничного человечка, а Зиглинда отказывалась, но бабушка сказала, чтобы она не говорила чепухи. Зиглинда спросила:

– Что в них за особая добавка?

Казалось, Бабулю Грету этот вопрос поразил, но она увидела, что Зиглинда говорит серьезно и что ее уже бьет легкая дрожь, до того она всем этим напугана – тогда она рассмеялась и ответила, что добавляет корицу, всего-навсего корицу.

Так что Зиглинда надкусила голову и сразу убедилась, конечно же, что это, разумеется, была корица, и все же ей невольно казалось, будто она чувствует и какой-то мясной привкус. Бабушка за ней наблюдала. Бабушка огорчилась бы, если бы Зиглинда не доела. А огорчать бабушку ей не хотелось. И она съела пряничного человечка целиком, до последней крошки.

– Это был очень большой лес. Девочка призналась, что не может найти из него выхода, и я не думаю, что она меня обманула, а если даже она и обманула, то сама себя. Мы заблудились. Стемнело. Начал накрапывать дождь. Мы были голодны. Мы спали часами напролет, иногда по целому дню, потому что выбились из сил и не могли идти. И я сказала ей: «Одна из нас должна съесть другую. Это единственная возможность, только так вторая может обрести шанс на спасение». И я сказала девочке: «Вот что, у тебя вся жизнь впереди, славная и незапятнанная жизнь, ведь ты еще не успела натворить ошибок, а если и успела, то не по своей вине. Выжить должна ты. Это должна быть ты, – сказала я ей. – Ешь меня».

А девочка сказала: «Нет». Но я сказала, что у нее нет выбора, и еще я сказала ей, что это не трудно. И я стала водить пальцем по своей груди и вниз, к бедрам, и показывать ей лучшие кусочки мяса, которые она сможет с них срезать, и рассказывать, что резать надо тонкими ломтиками, и сколько в точности нужно держать их над костром, чтобы приготовить все в лучшем виде. Я говорила, что ей это будет легко сделать. Говорила, что я такое уже делала, и братец мой делал, а мы ведь не какие-то особенные. Не такие, какой она могла бы стать.

А она стала меня умолять. Она молила, чтобы я не заставляла ее пройти через такое.

«Съешь ты меня», – говорила она. – Потому что тебе это привычно, ты знаешь, что да как. Ты получишь куда больше удовольствия от мяса, чем я. К чему тебе попусту тратить свои

потроха, ведь я даже не смогу оценить вкуса». И еще она сказала: «Ешь меня и знай, что я пошла на это по доброй воле, я подарила себя тебе. Пируй и радуйся, и знай, что я буду смотреть на тебя с небес. Съешь меня, и пусть последний съеденный тобой ребенок будет самым вкусным из съеденных тобой деток, я хочу стать вершиной всего, что ты испробовала раньше. Пусть это послужит причиной, по которой ты прекратишь это делать, потому что никогда тебе не встретить такого сочного и мясистого ребенка, как я».

И я сказала: «Ну ладно».

И тогда она назвала мне свое имя. Свое настоящее имя. И я отпустила ее.

(Зиглинда спросила: «И как же ее звали?»)

– Ах, да какая теперь разница.

(«А она спросила, как зовут тебя?»)

– Да.

(«Ты ей сказала?»)

– Нет. Что могло из этого выйти хорошего? Я ведь уже собиралась повесить ее вверх ногами и перерезать ей горло. Я назвала ей имя – выдуманное. Это было очень хорошее, прекрасное имя.

(«Все так на самом деле и было?»)

– Насколько я помню.

(Зиглинда тихо спросила: «И она была сочной и мясистой?»)

– О да.

Бабушка подалась вперед, и Зиглинда решила, что она собирается поделиться с ней какой-то жуткой тайной, чем-то столь ужасным, что можно оскверниться, даже просто услышав об этом. И она подалась навстречу – потому что хотела услышать, потому что понимала, что хочет, чтобы ее невинность была осквернена. Пусть это случится сейчас, думала, пусть случится сейчас. Бабуля Грета улыбнулась. И тихо произнесла:

– Не сходить ли нам еще раз на чердак, в самый последний разик?

Чердачная тьма сгустилась еще сильнее, как черная стена. Свет лампы с лестницы коснулся ее и умер.

– Тебе нельзя туда входить, – сказала Зиглинда Грете, и Грета согласилась.

– Нет, дорогуша, сейчас твоя очередь. Ты влезешь на чердак и притащишь мне оттуда чемодан, самый лучший, какой найдешь.

А Зиглинда подумала, что это невозможно – что эта плотная чернота ее вытолкнет, – и она заглянула бабушке в лицо, а лицо было старое-старое, и почему-то вдруг стало понятно, что смерть совсем рядом. Зиглинда шагнула вперед, и тьма обступила ее, весь свет пропал, до последнего огонечка.

Там внутри, во тьме было что-то – что-то, что кормится тьмой, совсем ее не боится, чему без этой крошечной тьмы не выжить. Зиглинда наткнулась на что-то кожистое, вроде летучей мыши, потом кто-то мазнул ее по руке – паук? Но нет, для паука слишком большое. А тьма была густая, тягучая, как сироп, она облила ее с головы до ног, проникла в каждый потаенный уголок ее тела – настоящий сироп. Зиглинда при желании могла бы вцепиться в нее зубами, могла бы глотать ее – ведь если она не станет глотать тьму, тьма сама ее поглотит, – она это понимала. Но Зиглинде не захотелось глотать тьму. Она услышала бабушкин голос. Из темноты отозвалось эхо. Как будто прилетело издалека.

– Без паники, – сказала бабушка. – Слушай мой голос, вот и все. Слушай меня, и все будет хорошо.

А Зиглинда знала, что ничего уже не будет хорошо, как прежде, – больше никогда она не сможет видеть, говорить, чувствовать – потому что, если только она откроет рот, чтобы заговорить, темнота хлынет ей в горло, если осмелится чувствовать, темнота тут же почувствует

ее. Но вот она услышала бабушкин голос, и, к большому ее удивлению, это подействовало – сердце забилося ровнее, она перестала трястись и начала успокаиваться.

– Ты, наверное, думаешь, что знаешь, почему я ухожу от твоего дедушки? Да? Думаешь, из-за чувства вины? Нет, ничуть не бывало.

О, вина долго мучила меня. Но не из-за детей, которых я убивала. Мне было стыдно, что я вышла за человека, которого не любила и никогда так и не полюбила, ни на один денечек за все эти шесть десятков лет. Мне было стыдно, что я никогда не любила своих детей. Я все продолжала рожать, в надежде, что произведу на свет хоть одного, к которому смогу привязаться. Не смогла. Я их всех ненавижу. Вот хоть твой папаша – вялый, как снулая рыба. Он заслужил в жены эту потаскуху, твою мать. Ты же знаешь, моя милая, что мать у тебя потаскуха? И что до тебя ей никогда не было дела?

Зиглинда не открыла рта, чтобы ответить. Но про себя подумала: да. Раньше она этого не понимала, а теперь, когда поняла, это показалось ей не таким уж важным.

– Я много лет потратила, пытаюсь быть не такой, какая есть. Запах детского мяса преследует меня. Я чувствую его во всем, что бы ни готовила. Только легкий привкус, намек, но он дразнит меня, говоря, что где-то есть кое-что вкуснее, нежнее, лучше. А мне ведь недолго осталось, скоро помру. И не хочу я больше тратить ни одного дня на эту притворную жизнь.

Я хочу снова отведать невинной плоти. Я ошибалась. Все эти годы я ошибалась. Я не должна была расставаться с братцем. Я пойду к нему. Я пойду, а там посмотрим, может, он меня примет. Я паду в его объятия и попрошу прощения, буду молить его о снисхождении. Возможно, он меня не узнает. Если он меня не признает, то может съесть. Но даже если так, что ж, мои страдания окончатся.

Я так голодна. Я так голодна. Я так голодна.

А теперь давай-ка мне чемодан. Выбирайся из темноты и тащи самый лучший, какой сможешь найти.

Зиглинда подумала, что лучше ей оставаться в темноте. Вообще-то в темноте безопаснее. Но темнота стала отступать сама, и Зиглинда попыталась ее удержать, вытянула руки вперед и схватила – летучую мышь, паука, – но тут она увидела, что держится за чемодан, симпатичный, аккуратненький чемоданчик, и кожа летучей мыши оказалась его чехлом, а ножки паука – ремнями.

Бабуля Грета приняла у нее из рук чемоданчик. Она придирчиво его осмотрела. «Да, – сказала она. – Да, хороший выбор». Потом она приложила чемодан к Зиглинде, как будто примеряя на нее.

И Зиглинда поняла, что теперь ее положат в этот чемоданчик. А потом бабушка унесет ее в лес и разыщет своего брата, и вдвоем они подвешат Зиглинду вверх ногами и выпотрошат ее, и съедят ее.

– Не убивай меня, пожалуйста, – попросила Зиглинда.

А бабушка отшатнулась, словно Зиглинда дала ей пощечину. Она даже попятилась немного.

– Ты что же, подумала, что я тебя съем? – сказала Грета. – Ох, милая моя. Кровь от крови моей. Я никогда не смогла бы причинить тебе боль. Потому что ты вся в меня. Столько лет я ждала, не появится ли в этом семействе хоть кто-нибудь, кого я смогу полюбить. И вот дождалась тебя. Не бойся. Бойся кого угодно, но только не меня.

И Зиглинда увидела, что ее бабушка плачет, а потом заметила, что и сама тоже плачет.

– Чемодан, – сказала Грета, – это тебе.

– Я не понимаю, – сказала Зиглинда.

– А, так ты думала, что это мне нужен чемодан? В мои-то годы? И к чему бы мне чемодан там, куда я собралась? Но ты. Моя милая, моя кровиночка. Ты уйдешь. Ты покинешь это место,

и слава Богу, потому что не сможешь оставаться здесь, с этими людьми, с этими бесстрастными людишками. А когда соберешься, возьмешь этот чемодан.

Она протянула чемоданчик внучке.

Зиглинда взвесила его в руке, и он показался ей таким, как надо. Не слишком тяжелым, подходящего размера, и без всяких этих безвкусных пряжек. Ручка уютно легла ей на ладонь.

– Там больше нет леса, Бабуля, – сказала Зиглинда. – Его давно срубили. Папа говорил, что его вырубili много лет назад. Там теперь фабрики.

– Я знаю, где мой лес, – ответила Грета. Она нагнулась и поцеловала Зиглинду в щеку. Поцелуй вышел у нее неуклюжим и грубоватым, словно по щеке провели дерюжным мешком лука.

Грета зашла на чердак. Тьма поглотила ее.

Зиглинда подождала, не выйдет ли бабушка. Она не вышла. Зиглинда отправилась домой.

Она ломала голову, что бы придумать, как объяснить свою отлучку. Но когда она пришла домой, папа все еще был у себя в кабинете, мама все еще возилась на кухне, они даже не заметили, что ее не было. Им не было до нее дела.

Зиглинда позвонила Клаусу. Его не оказалось дома, и она оставила сообщение на автоответчике. Сказала, что больше они никогда не увидятся. Потом отнесла чемоданчик в свою комнату, открыла. Внутри он показался таким огромным, туда можно было уместить весь мир, все свое будущее. Она пооткрывала все свои шкафы и комоды, посмотрела, что ей хотелось бы взять с собой. Ничего. Все это было ей ни к чему. Так что она снова закрыла чемодан, отнесла его вниз по лестнице и вышла с ним из дому – в новую жизнь. Она будет наполнять его по дороге.

Роберт Ширмен – писатель и драматург, пишущий для театра, телевидения и радио, обладатель многих наград. Он был постоянным автором-драматургом в Театре Норткотт в городе Эксетер и регулярно писал для Алана Эйкборна в театре г. Скарборо. Периодически он пишет радиопьесы для *BBC Radio 4*, однако более всего известен по своей работе с телесериалом «Доктор Кто», как вернувший на экраны расу Далеков в первых сериях возрожденного сериала, получивших награду *BAFTA* и номинированных на *Hugo Awards*. Его первый сборник коротких рассказов, «Маленькие Смерти», был опубликован в 2007 году издательством *Comma Press* и получил награду *World Fantasy Award*. Его второй сборник, «Любовные песни для застенчивых и циничных», опубликованный издательством *Big Finish Productions*, получил *British Fantasy Award* и *Edge Hill Readers' Prize*, а также *Shirley Jackson Award*. Третий сборник, «Все такие необыкновенные», был удостоен *British Fantasy Award*. В 2012 году его лучшие произведения в жанре хоррор – частично рассказы из его предыдущих сборников, частично новые работы – были опубликованы издательством *ChiZine* в сборнике «Помни, почему ты боишься меня».

Три лесных человечка

Жил как-то человек, у которого померла жена; и жила женщина, у которой умер муж; а у того человека была дочка, и у женщины тоже была дочь.

Девушки были знакомы и вместе ходили гулять, а потом заходили в дом к той женщине. Вот как-то раз говорит женщина дочери того человека:

– Послушай-ка, скажи своему отцу, что я не прочь выйти за него замуж. А тогда ты будешь каждый день купаться в молоке и пить вино. А моя родная дочка будет купаться в воде и пить воду.

Девочка пришла домой и передала отцу слова той женщины. Говорит отец:

– Что же мне делать? Женишься – нагорюешься.

Долго не мог он решить, как быть, наконец стащил сапог с ноги и говорит:

– Возьми-ка этот сапог – в подошве у него дыра. Снеси его на чердак, да повесь на большой гвоздь, а потом налей в него воды. Если вода в нем удержится, что делать, женюсь во второй раз, а коли выльется – стало быть, жениться не стану.

Девушка все сделала, как ей было велено, но вода стянула края дыры, и сапог остался полон до самого верху.

Поведала она про это отцу. Тогда он сам полез на чердак и увидел, что дочь сказала правду; пошел к вдове и посватался к ней, – тут они и свадьбу сыграли.

Наутро поднялись девочки и видят – перед отцовой дочерью поставлено молоко для умывания и вино для питья, а перед жениной дочкой – только вода и для умывания, и для питья.

На другое утро была поставлена вода для умывания и для питья перед обеими девушками.

А на третье утро смотрят они – перед отцовой дочкой поставлена вода для умывания и для питья, а перед родной жениной дочкой молоко для умывания и вино для питья. Так оно потом и было.

Мачеха падчерицу невзлюбила и, что ни день, замышляла против нее новые козни. Она еще и завидовала, потому что приемная дочка была красивая и приветливая, а родная – уродливая и сварливая.

Однажды зимой, когда все кругом замерзло от мороза, а горы и доли были покрыты снегом, мачеха сделала бумажное платье, подозвала падчерицу и сказала:

– Ну-ка, надевай это платье, сходи в лес и набери полную корзинку земляники – страсть как захотелось мне ягод.

– Батюшки, – отвечала девушка, – да ведь земляника зимой не растет. Вся земля промерзла и снегом покрыта. И почему нужно мне идти в этом бумажном платье? На дворе ведь лютый холод, дышать и то трудно. Ветер проберет меня до костей, а колючий терновник истерзает мне все тело.

– Ты еще будешь мне перечить? – сказала мачеха. – Пошевеливайся, да без полной корзинки земляники не показывайся мне на глаза.

Тут она дала ей ломоть черствого хлеба и говорит:

– Довольно тебе этого на весь день, – а про себя думает: «Помрешь ты в лесу от холода и голода и никогда не вернешься назад».

Девушка была послушной, надела она бумажное платье и, взяв корзинку, вышла из дому. Во всей округе ничего было не видеть, кроме снега, ни единой зеленой травинки.

Вот пришла девушка в лес, глядит – стоит перед ней избушка, а из окошка выглядывают три человечка. Постучалась девушка в дверь и робко с ними поздоровалась. «Входи!» – закричали они, и она вошла в комнату и присела на скамеечку у печки, – тут она понемногу отогрелась и решила съесть свой ломоть хлеба. А человечки и говорят:

– Дай и нам хоть немножко.

– С радостью, – ответила девушка, поделила ломоть хлеба пополам и половину дала человечкам. Они и спрашивают:

– Что ты делаешь зимой в лесу, да еще в таком тонком платишке?

– Ах, – отвечала она, – нужно мне набрать полную корзинку земляники, а без этого лучше домой не возвращаться.

Доела она свой хлеб, а человечки дают ей метлу и говорят:

– Подмети-ка снег у задней двери нашего домика.

Когда же она вышла, стали человечки говорить друг другу:

– Что бы подарить этой девице, раз она такая добрая и даже поделилась с нами своим хлебом.

Вот один и говорит:

– Мой подарок таков: с каждым днем будет она становиться все краше.

Второй говорит:

– А мой подарок таков: когда она заговорит, с каждым словом изо рта у ней будут падать золотые монеты.

Третий говорит:

– А мой подарок таков: приедет в эти края король и возьмет ее в жены.

Тем временем девица выполнила то, что велели ей человечки, подмела снег у избушки. И что же, по-вашему, она нашла? Самую настоящую спелую землянику! Темно-красные ягоды показывались прямо из-под белого снежка. Обрадовалась девушка и набрала полную корзинку; поблагодарила она лесных человечков, попрощалась с каждым за руку и побежала домой, чтобы поскорее принести мачехе ягоды, которых ей так хотелось.

Только вошла она в дом и поздоровалась, как изо рта у нее выкатился золотой. Стала она рассказывать, что с ней приключилось в лесу. При каждом слове изо рта у ней падали золотые, пока золото не завалило всю комнату.

– Подумайте, какая гордячка! – крикнула ее сводная сестра. – Так швыряется деньгами. Но в сердце она ей позавидовала и захотела тоже сходить в лес по ягоды.

Мать говорит:

– Нет, милая моя доченька, слишком уж холодно, как бы тебе не замерзнуть до смерти.

Но дочка от своего не отступалась, так что мать, наконец, согласилась, сшила для нее роскошную меховую шубу, а с собой дала ей хлеба с маслом и пирожков.

Пошла девушка в лес да напрямик к той избушке. Три маленьких человечка, снова выглянули в окошко, но она с ними не поздоровалась. Не поглядела на них и не поговорила, а сразу ввалилась в комнату, расселась у печки и принялась за свой хлеб с маслом и пирожки.

– Дай и нам хоть немножко! – воскликнули человечки.

Но она ответила:

– Вот еще, мне самой мало, буду я еще с кем-то делиться!

Когда она поела, человечки говорят:

– Вот тебе метла, размети снег у задней двери.

– Сами подметете, – отвечает девица. – Я вам не служанка.

Увидев, что человечки ничего не собираются ей дарить, она ушла.

Тут лесные человечки стали говорить друг другу:

– Что же подарить ей за то, что она такая гадкая, а сердце у нее злое и завистливое, и никому она не делает добра?

Первый говорит:

– Мой подарок таков: с каждым днем будет она становиться все уродливей.

Второй говорит:

– А мой подарок таков: когда она заговорит, с каждым словом изо рта у ней будет выскакивать жаба.

А третий говорит:

– А мой подарок таков: ждет ее лютая погибель.

Поискала девушка в округе землянику, но ничего не нашла, ни одной ягодки и воротилась домой злая-презлая. Хотела было рассказать матери, что приключилось с ней в лесу, как при каждом слове стали выскакивать у нее изо рта жабы, так что все пришли в ужас.

Тут мачеха пуще прежнего возненавидела мужнину дочь и все ломала голову, как бы зло ей причинить. А девушка меж тем становилась с каждым днем все красивее.

Наконец мачеха взяла котел, поставила его на огонь и стала варить в нем пряжу. Когда пряжа как следует проварилась, она взвалила ее на плечи бедной девушке, дала ей топор и приказала идти на реку, прорубить во льду прорубь и промыть пряжу.

Девушка была послушной, пошла она к замерзшей реке и вырубил прорубь. Вот рубит она лед, а к реке тем временем подъезжает роскошная карета, а в ней сидит король. Карета остановилась, и король спросил:

– Дитя мое, кто ты и что делаешь?

– Я бедная девушка, полощу пряжу.

Пожалел ее король и, увидев, что она очень хороша собой, сказал:

– Хочешь, поедем вместе со мной?

– Ах, конечно, с великой радостью! – ответила она, довольная, что ей не придется возвращаться к мачехе и сестре.

Села она в карету и поехала вместе с королем. А когда они приехали во дворец, то сразу отпраздновали пышную свадьбу – таков был подарок маленьких лесных человечков.

Через год молодая королева родила сына. А мачеха, прослышав о таком великом счастье, явилась со своей дочерью во дворец и сделала вид, будто хочет ее навестить.

Но когда король куда-то отлучился, и остались они одни, злая женщина схватила королеву за голову, а дочка взяла ее за ноги, они подняли ее с постели и бросили через окошко в реку, что протекала у самого дворца. После этого мачеха уложила свою безобразную дочку в постель и с головой укрыла одеялом.

Когда король вернулся домой и захотел поговорить с женой, старуха закричала:

– Тише, тише, сейчас нельзя, у нее сильная горячка, и ей нужен покой.

Король не заподозрил ничего дурного и пришел лишь на следующее утро. Когда заговорил с женой, а она ему отвечала, то при каждом слове у нее изо рта выпрыгивала жаба, а прежде, бывало, падали золотые.

Тогда король спросил, что бы это значило, но старуха сказала, что это у нее от сильной горячки, но скоро пройдет.

А ночью поваренок увидел уточку, которая приплыла по водосточной канавке и заговорила человеческим голосом:

Ах, король мой, как ты поживаешь?

Уснул или глаз не смыкаешь?

Не дождавшись ответа, уточка снова заговорила:

А гости мои, что ж они?

Поваренок ответил:

Спят они крепко, как пни.

Тогда она снова спрашивает:

А милый мой сын, как же он?

Поваренок отвечает:

В люльке он спит сладким сном.

Тут уточка превратилась в королеву и вошла во дворец. Она покормила ребенка, покачала его колыбельку, укутала его бережно и, обернувшись снова уточкой, уплыла по канавке.

Так было две ночи, а на третью говорит она поваренку:

– Ступай, скажи королю, пусть возьмет он свой меч и трижды взмахнет им надо мной на пороге.

Поваренок побежал и обо всем рассказал королю, а тот пришел со своим мечом и трижды взмахнул им над уточкой. Не успел он взмахнуть в третий раз – а перед ним стоит его жена, живая и здоровая, какой была и прежде.

Обрадовался король великой радостью, но спрятал королеву в горенке до того воскресенья, когда должны были крестить младенца.

Когда его окрестили, король спросил:

– Чего заслуживает тот, кто вытаскивает человека из постели и бросает в воду?

– Такой злодей, – отвечала старуха, – заслуживает, чтобы посадить его в бочку, утыканную гвоздями, и скатить ту бочку с горы в реку.

– Что ж, – говорит король, – ты сама себе вынесла приговор.

И он приказал принести утыканную гвоздями бочку и посадить в нее старуху с дочерью. А потом бочку заколотили и пустили с горы, так что покатила она прямо в реку.

Майкл Маршалл Смит

Загляни внутрь

Для начала я собираюсь немного приврать. Не волнуйся – под конец узнаешь, как все было на самом деле. Буду правдива, ничего не утаю. Обещаю.

Но сначала расскажу тебе о другом.

Ах да, кстати – я беременна.

Когда все это началось, я вернулась домой позже обычного. Деловой ужин, а другими словами, несколько часов в итальянском ресторане в Сохо и болтовня босса о проблемах, стоящих перед его компанией в эти трудные экономические времена. Разглагольствуя, он честно пытался не заглядывать то и дело мне в вырез блузки. Он парень неплохой, женат и, насколько я знаю, разводиться не собирается, так что я оставила его косые взгляды без внимания. Я уверена, что союз сестер – а точнее, прилизанные профессорши и гламурные мятежницы, которые заменяют его в наши дни – счел бы, что я не должна спускать ему подобные вольности, и потребовал бы публично призвать его к ответу, подкрепив слова звонкой пощечиной, но я фигней не страдаю. Мужики вечно рыщут глазами по женским телам (и наоборот тоже, будем честны – у нашего официанта, кстати, была такая задница, ну прямо орех, что так и просится на грех), с тех самых пор, когда люди ходили в шкурах, и не думаю, что этот интерес отомрет в обозримом будущем. Так что оставим эти заморочки союзу сестер. Они трудятся в чисто женских коллективах, где подобные вопросы, понятно, не возникают, либо чистят перышки в своих университетах, где рядом не мужики, а бородатые замухрышки, которые пикнуть лишний раз боятся. Но только попробуй завести эту шарманку в духе Камиллы Палья⁶ в реальном мире, и мигом окажешься без работы, и уж разумеется, в полном одиночестве. Ужин оказался недолгим, и, хотя обратно я ехала на метро, все равно к половине десятого уже была дома. У меня собственный домик, совсем маленький, в районе на севере Лондона, который называется Кентиш Таун, недалеко от станции и автомагистрали. Вообще-то, Кентиш Таун сегодня – это узкая щелка между такими более красивыми и дорогими районами, как Хэмпстед, Хайгейт и Кэмден, но до того как разросшийся город сжал его со всех сторон, это было небольшое живописное местечко с видом на прелестную речку Флит – она брала начало от родников выше на Хемстедской Пустоши, но давным-давно была засорена и захламлена, так что в конце концов ее убрали под землю, взяв в трубы и направив в систему канализации.

Мой узенький домик стоит совсем рядом с местом, где когда-то протекала река, среди недлинной вереницы стоящих вплотную викторианских домишек. В нем три этажа (и еще чуть-чуть), за домом крохотный садик, половину которого съела пристроенная прежним владельцем расширенная кухня-столовая. Когда-то, как рассказал мне тот самый владелец, эти дома выстроили для семей железнодорожных рабочих, и примечательны они разве что своей непримечательностью, да еще тем, что одна сторона моего садика примыкает к древней каменной стене, в которую врезана полустертая ветром и непогодой каменная доска с надписью, упоминающей Колледж Св. Иоанна. Небольшое расследование помогло установить, что несколько сот лет назад земля, на которой потом построили эти дома – и добрый ломоть самого Кентиш Тауна впридачу, – принадлежала этому колледжу Кембриджского университета. Причина, по которой колледж владел садом в сотне миль от университета, не поддается моему пониманию, так ведь мало ли чего еще я не понимаю. Мне, например, никогда не нравились телевизионные реалити-шоу или, скажем Колин Ферг – так что, возможно, я просто слегка бестолкова.

⁶ Камилла Палья (род. 1947) – американская писательница, публицистка и феминистка, преподаватель университета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.